

КОНСТАНТИН РЕВЕРСКИЙ

ГОРОД ПОМНИТ ЛИШНИХ

РЕЕСТР
КНИГА 1

18+

Константин Реверский
Город помнит лишних

«Автор»

2026

Реверский К.

Город помнит лишних / К. Реверский — «Автор», 2026

Ника Лазарева помнит младшего брата Илью. Но ни документы, ни родные, ни городская система памяти не подтверждают, что он когда-либо существовал. Однажды в её мастерскую приходит пожилой мужчина с фотографией мальчика, которого не может вспомнить. Снимок становится первой уликой в расследовании исчезновений, за которыми стоит нечто большее, чем ошибка технологии. Кому выгодно стирать людей из чужих воспоминаний? Почему Ника помнит то, чего остальные не замечают? И какую цену придётся заплатить за правду? «Город помнит лишних» — первая книга детективной серии «Реестр». При подготовке текста книги использовался генеративный искусственный интеллект.

Содержание

Глава 1. Человек на фотографии	5
Глава 2. Чужая память	9
Глава 3. Корпус номер семь	12
Глава 4. Право на существование	15
Глава 5. Жёлтый плащ	18
Глава 6. Список пустых квартир	21
Глава 7. Роддом без детей	24
Глава 8. Четыреста двадцать три	27
Глава 9. Тот, кто помнит	30
Глава 10. Двадцать четыре минуты	33
Глава 11. Свидетельство	36
Глава 12. Семь минут	38
Глава 13. День, которого не было	40
Глава 14. Белые метки	42
Глава 15. Тринадцатая процедура	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Константин Реверский

Город помнит лишних

Глава 1. Человек на фотографии

В четыре часа утра город забыл ещё одного человека.

Ника Лазарева узнала об этом в девять семнадцать, когда в её мастерскую вошёл пожилой мужчина с детской фотографией в руках.

Мужчина был мокрый. На улице второй день шёл дождь, но его плащ выглядел так, будто он добирался сюда вплавь.

Он остановился у порога, оглядел тесное помещение и спросил:

— Вы восстанавливаете старые фотографии?

— Если есть что восстанавливать.

Ника отодвинула чашку с остывшим кофе.

Мужчина приблизился к столу и положил перед ней пожелтевший снимок. На фотографии стоял мальчик лет восьми. Худой, светловолосый, в огромной куртке не по размеру. Он держал в руках игрушечный кораблик и улыбался человеку по другую сторону объектива.

Снимок был почти идеальным.

— Что с ним не так? — спросила Ника.

— Я не знаю, кто это.

Она подняла глаза.

— Вы нашли фотографию?

— Нет. Она моя.

— Тогда в чём проблема?

Мужчина долго смотрел на мальчика.

— Я помню, как покупал ему этот кораблик. В магазине возле старого вокзала. Он стоил сто сорок рублей, хотя тогда мне казалось, что это целое состояние. Помню, как мы поехали к морю. Помню даже, что в тот день он потерял ботинок.

Он замолчал и провёл пальцем по краю фотографии.

— Но я не помню самого мальчика.

Ника ничего не сказала.

За окном бесшумно прошёл городской электробус. По всей длине его борта тянулась реклама системы нейронной памяти.

СЛОЙ. ВАША ЖИЗНЬ БЕЗ ЛИШНЕГО БАГАЖА.

Ника ненавидела эту фразу.

— Вы проходили коррекцию памяти? — спросила она.

— Все проходят.

— Дополнительную?

— Нет. Только ежедневную Сверку.

Мужчина потёр виски.

— Понимаете, утром я проснулся и увидел эту фотографию на кухне. Рядом лежала записка моим почерком.

Он достал из кармана сложенный лист бумаги.

На нём было написано всего три предложения.

Это мой сын.

Его зовут Даня.

Не позволяй им убедить тебя, что его никогда не было.

Ника медленно положила записку обратно на стол.

— Когда вы это написали?

— Не помню.

— А жена?

— Умерла шесть лет назад.

— Другие родственники?

— Я живу один.

Он посмотрел на неё с такой надеждой, что Ника почувствовала знакомую тяжесть под рёбрами.

Она уже слышала подобные истории.

Слишком много раз.

— Послушайте, — сказала Ника. — Я занимаюсь фотографиями. Не медициной. Вам нужно обратиться в Центр памяти.

Лицо мужчины изменилось.

— Я обращался.

— И что вам сказали?

— Что у меня никогда не было сына.

Ника отвела взгляд к окну.

За стеклом люди спешили по мокрому тротуару. Каждый носил за ухом маленький серебристый модуль. Кто-то разговаривал с невидимым собеседником. Кто-то улыбался воспоминаниям, которые система выводила прямо в зрительную кору. Молодая женщина остановилась у пешеходного перехода, закрыла глаза на пару секунд и довольно кивнула.

Наверное, попросила Слоя напомнить, где оставила машину.

Ника машинально коснулась шрама за левым ухом.

Её модуль сняли двенадцать лет назад.

Врачи сказали, что повторная имплантация может привести к необратимому повреждению мозга. Тогда она страшно расстроилась. Почти все вокруг пользовались системой. Без неё приходилось запоминать пароли, даты, адреса, лица и тысячи ненужных вещей.

А потом исчез Илья.

Её младший брат.

И выяснилось, что способность помнить самостоятельно иногда бывает единственным доказательством существования человека.

— Как вас зовут? — спросила Ника.

— Виктор Андреевич. Виктор Андреевич Серов.

— Хорошо, Виктор Андреевич. Я посмотрю снимок.

Она включила старый оптический сканер.

Мужчина заметно расслабился.

— Вы сможете восстановить?

— Попробую найти информацию, которую не видно на оригинале.

Это было не совсем правдой.

Фотография не нуждалась в восстановлении. Ника хотела рассмотреть фон.

За мальчиком находилось двухэтажное здание с колоннами и металлической вывеской. Большая часть надписи скрывалась за деревьями.

Она увеличила изображение.

...ТРАЛЬНЫЙ АРХИВ. КОРПУС 7.

Ника почувствовала, как похолодели пальцы.

— Где сделана фотография?

— Вроде бы на станции у моря.

— Когда?

— Не знаю. Я решил, что давно.

— А плёнка?

— В старом фотоаппарате. Я сам её проявил. Раньше увлекался фотографией.

Ника приблизила изображение ещё сильнее.

В верхнем правом углу виднелась цифровая панель у входа в здание. Такие устанавливались после реконструкции городского центра восемь месяцев назад.

На панели горела дата.

19 октября 2041 года.

Позавчера.

Ника посмотрела на мальчика.

Если фотография была сделана два дня назад, ему и сейчас должно быть восемь.

Но Виктор Андреевич помнил, как покупал игрушку много лет назад.

Что-то не сходилось.

— Вы можете оставить снимок до завтра?

— Конечно. Только...

Он нерешительно замолчал.

— Что?

— Вы ведь верите мне?

Ника хотела ответить привычное «надо сначала разобраться». Так отвечают люди, которые боятся дать надежду. Но мужчина, казалось, и без того дошёл до края.

— Я верю, что вы не выдумали эту фотографию, — сказала она. — Остальное выясним.

Виктор Андреевич выдохнул. Он вынул из портмоне бумажную карточку, написал номер домашнего телефона и оставил её на столе.

— Только не звоните после десяти, пожалуйста. В это время у меня включается Сверка. Иногда я потом плохо помню, с кем говорил.

Когда за ним закрылась дверь, Ника заперла мастерскую и вернулась к сканеру.

Она отрегулировала контраст, отделила зерно плёнки от теней и приблизила стеклянную дверь архива. В отражении стоял человек с короткими тёмными волосами. На плече у него висела знакомая сумка с двумя косыми ремнями.

Собственная сумка Ники лежала у стола. Точно такая же, с разорванным швом возле металлической пряжки.

Она открыла файл календаря. Девятнадцатого октября, с утра до вечера, у неё было шесть заказов. Три клиента расписывались за готовые снимки. Один даже оставил голосовое сообщение с благодарностью в шестнадцать двадцать. Ника помнила всех.

Она снова посмотрела на отражение.

Сомнений почти не осталось. Женщина у дверей была похожа на неё до неприятного, физического ощущения. И она держала за руку мальчика с корабликом.

Ника распечатала увеличенную часть снимка на старом термопринтере. Бумага выходила медленно, пахла нагретым пластиком и оставляла серую пыль на пальцах.

Затем она открыла городскую картографическую сеть и ввела адрес корпуса номер семь.

Система ответила моментально: «Объект не существует».

Поиск по старому названию дал тот же результат. Архивные карты за десять лет показывали на этом месте парковку. И только на бумажной карте, которую Ника хранила ещё со времени учёбы, в северной части города был нарисован прямоугольник с подписью «Центральное хранилище».

Карандашом рядом кто-то написал: «Не ходить одной».

Почерк принадлежал ей.

Ника не помнила, когда оставила эту надпись.

В дверь постучали.

Три коротких удара. Пауза. Ещё два.

Она замерла. Так в детстве стучал Илья, когда приносил домой что-нибудь найденное и не хотел будить родителей.

— Кто там?

Ответа не было.

Ника подошла к двери и посмотрела в глазок. Коридор пустовал. На коврик лежал плоский белый конверт, хотя в камере над входом движение за последние десять минут не зафиксировалось.

Внутри была вторая фотография.

Она изображала её мастерскую. Ника сидела перед сканером, точно в той позе, в которой находилась минуту назад. По краям кадра виднелись чашка, лампа и бумажная карта.

Снимок был сделан из-за её спины.

На обратной стороне аккуратными печатными буквами значилось:

«Ты уже приходила туда. Не пытайся вспоминать. Найди Льва».

А ниже, другим почерком, была приписка:

«До следующей Сверки осталось шесть часов».

Ника медленно повернулась к окну. Среди прохожих напротив мастерской стояла девочка в жёлтом плаще. Она смотрела прямо на неё и держала в руках маленький красный кораблик.

Когда Ника моргнула, девочки уже не было.

Глава 2. Чужая память

Льва Орлова Ника не видела почти четыре года.

Последняя их встреча закончилась плохо. Он сказал, что исчезновение Ильи могло быть несчастным случаем; она ответила, что в таком случае исчезновение всех сведений о человеке тоже должно считаться несчастным случаем. Лев промолчал. Именно этого она ему не простила.

Теперь его имя лежало на обороте неизвестной фотографии. Ника смотрела на шесть цифр старого номера, записанного в телефонной книге, и понимала, что другого выхода у неё нет.

Лев снял трубку после третьего гудка.

— Ника?

— Мне нужна помощь.

В динамике послышался шум ветра, затем металлический стук. Он, как всегда, был где-то вне кабинета, хотя работал городским архивистом.

— Что произошло?

— Мне принесли снимок ребёнка, которого официально не существует. На фотографии есть здание, которого официально не существует. А ещё там я сама.

— Где ты?

— В мастерской.

— Выйди оттуда. Не бери телефон. Приходи к старому рынку, в книжный павильон со сломанной вывеской. Через сорок минут.

— Объясни сначала...

— Не по связи. И никому не говори про фотографию.

Он отключился.

На экране телефона высветилось предупреждение: «Разговор не сохранён. Причина: отказ центрального сервиса». Такие сообщения в городе появлялись редко. Обычно после крупных аварий.

Ника вынула из принтера свежий лист, положила его между страницами старого каталога и спрятала в сумку. Подлинную фотографию мальчика она оставила в сейфе. Вторую, принесённую в конверте, разорвала на четыре части и сожгла в жестяной чаше для очистки плёнки.

Не потому, что боялась находки. Потому, что поняла: за ней наблюдают прямо сейчас.

На улице дождь почти кончился. Город шумел мокрыми шинами, рекламными динамиками и мягкими голосами Слая. В переходе людям предлагали скидку на удаление тревожных воспоминаний. Рядом играли дети, и один из них, совсем маленький, попросил мать показать ему «настоящий снег» из своей памяти.

Ника прислушалась к разговору. Женщина закрыла глаза, улыбнулась, но через мгновение лицо её стало пустым.

— Мы никогда не были в горах, — сказала она ребёнку.

— Были. Ты рассказывала вчера.

— Тебе приснилось.

Ника ускорила шаг.

Книжный павильон пережил два поколения городских ремонтов. Вывеска «БУКИ-НИСТ» давно лишилась первых трёх букв, зато внутри пахло так же, как двадцать лет назад: пылью, клеем, картоном и отсыревшей бумагой.

Лев ждал у полки с техническими справочниками. Высокий, небритый, в потёртом тёмном пальто. На виске у него блестел обычный служебный модуль памяти.

— Покажи, — сказал он вместо приветствия.

Ника достала распечатку отражения и основную фотографию в защитном конверте.

Лев долго смотрел на мальчика. Потом поднёс снимок к окну и провёл ногтем по краю плёнки.

— Это настоящая серебряная эмульсия, — сказал он. — Цифровой подделки здесь нет.

— Я тоже заметила.

— Кто принёс?

— Виктор Серов. Отец мальчика.

Лев побледнел так резко, что Ника испугалась.

— Ты уверена в фамилии?

— Он оставил номер.

— Номер не нужен. Виктор Андреевич Серов умер одиннадцать лет назад.

Ника молча посмотрела на него.

— Не шути.

— Я сам оформлял акт передачи его архива. Он был инженером первых версий Слоя.

Погиб после пожара в лаборатории.

— Значит, запись поддельная.

— Или человек поддельный. Или память о пожаре.

Он произнёс последнюю фразу так спокойно, словно речь шла о неисправном замке.

— Лев, что происходит?

— Не знаю. Но давно боюсь, что узнаю.

В дальнем конце павильона звякнул колокольчик. Вошла женщина с детской коляской, задержалась у стойки и принялась рассматривать открытки. Лев опустил голос.

— Городская Сверка не просто исправляет ошибки памяти. Она сверяет воспоминания миллионов людей с единым перечнем событий. Если твоё воспоминание противоречит перечню, система отмечает его как сомнительное. Обычно тебе показывают предупреждение. Иногда предлагают коррекцию.

— Это официальная версия. Её знает даже школьник.

— А неофициальная состоит в том, что перечень можно менять.

— Каким образом?

— Заменить запись о происшествии, разумеется, легче, чем изменить миллионы воспоминаний. Но если на протяжении нескольких месяцев повторять одну и ту же поправку, людям становится труднее отличить собственный опыт от поправки. Особенно если каждый день они заново получают от системы напоминание, что всё было иначе.

Ника вспомнила Илью. На следующий день после его исчезновения мать спрашивала, куда ушёл сын. Через неделю удивлялась, зачем Ника хранит его куртку. Через месяц сердито отвечала, что у неё никогда не было второго ребёнка.

— Почему я помню?

Лев коснулся пальцем её шрама.

— Возможно, потому что тебе вовремя сняли модуль.

— Вовремя? Ты сказал это так, будто знал заранее.

Он отвернулся. По стеклу павильона медленно сползала капля воды.

— Я тогда работал не в архиве. В подразделении верификации. Мы проверяли редкие случаи, когда человек помнил то, чего, по мнению Слоя, не происходило. Для таких людей существовало слово. «Несовпадающие».

Ника заставила себя говорить ровно:

— Илья был одним из них?

— Да.

— Ты знал?

— Не всё. Иначе я бы не позволил тебе столько лет ходить одной.

Женщина с коляской приблизилась к технической полке. Коляска была закрыта плотным капюшоном. Ни разу за всё время из неё не донеслось ни звука.

Лев заметил это одновременно с Никой.

— Прячь фотографию, — сказал он.

Женщина остановилась и подняла глаза.

— Господин Орлов, — произнесла она. — Пожалуйста, не препятствуйте проведению Сверки.

Лев схватил Нику за локоть и повёл через узкую дверь за прилавком. Букинист, будто ничего не замечая, перелистывал накладные.

За дверью оказалась лестница в полуподвал. Лев спустился первым, открыл металлический шкафчик и вытащил из него маленькую коробку, обмотанную изолентой.

— Возьми, — приказал он. — Здесь бумажные копии. Если со мной что-то случится, не отдавай никому.

— Что внутри?

— Старые перечни. И одна запись с твоей подписью.

Сверху раздался глухой удар.

Лев выключил свет и открыл заднюю дверь, выходящую на пустую служебную улицу.

— Отсюда идёшь прямо, два квартала, затем налево. На перекрёстке садишься в любой автобус, который идёт на север. Только не смотри на камеры.

— А ты?

— Я должен кое-что проверить.

— Лев, не надо играть в героя.

Он усмехнулся, но улыбка вышла усталой.

— Я уже однажды не помог твоему брату. Второго такого случая не будет.

Он закрыл дверь прежде, чем она успела ответить.

Ника шла быстро, пока не оказалась в толпе у северного вокзала. Только там остановилась, села на скамью и разрежала изоленту на коробке ключом.

Внутри лежали пожелтевшие листы: таблицы, номера процедур, журналы изменений. В углу каждого листа стояла одинаковая надпись: «КОРПУС 7. Отдел резервной памяти».

На последней странице было её имя.

Лазарева Вероника Сергеевна.

Рядом — электронная подпись, распечатанная вместе с контрольным кодом.

Дело № 7714. Объект: Лазарев Илья Сергеевич.

Решение: исключить из общего реестра.

Основание: добровольное обращение ближайшего родственника.

Она перечитала последнюю строку три раза.

Потом ещё раз.

Руки начали дрожать так сильно, что лист зашуршал.

Двенадцать лет назад, согласно этой бумаге, именно она попросила стереть собственного брата.

Глава 3. Корпус номер семь

Ника не поехала домой.

Она просидела в круглосуточной закусочной до вечера, разложив перед собой чужие воспоминания в виде потрёпанных бумажных листов. За окном сменялись люди, вывески и цвета транспорта. Лист с её подписью оставался неизменным.

К половине седьмого ей удалось установить три вещи. Первое: заявление оформлено не двенадцать лет назад, как она решила сперва, а девятнадцатого октября нынешнего года. Второе: прежние данные Ильи были подшиты к делу задним числом. И третье: в строке «основание» стояло слово «добровольное», хотя подпись дополнялась пометкой о принудительной верификации.

Если документы настоящие, их составляли люди, уверенные, что бумагу никто не станет читать внимательно.

Ника набрала домашний номер Серова.

Пять длинных гудков. Щелчок.

— Слушаю, — ответил тот же старческий голос.

— Виктор Андреевич? Это Ника, мастерская фотографий. Мы сегодня встречались.

— Какая мастерская?

— Вы принесли снимок мальчика. Вашего сына Дани.

На линии повисла тишина.

— У меня нет сына, — сказал мужчина. — Девушка, вы ошиблись номером.

— У вас дома есть записка. Вы сами написали. Посмотрите на кухне, пожалуйста.

— Я не держу никаких записок. Мне память помогает. Всего хорошего.

Связь оборвалась.

Ника достала из сумки фотографию и впервые по-настоящему испугалась. Не того, что мужчина забыл ребёнка. Она уже знала, что такое возможно. Страшным было другое: Слой исправил его воспоминания прямо в течение одного дня.

Она оставила на столе деньги и вышла в холодный вечер.

Старое Центральное хранилище находилось за транспортным кольцом, в районе, который городские карты называли Сектором благоустройства. Здесь не было благоустроено ничего. Пустые парковки, заброшенные склады, глухие заборы и мокрые бетонные плиты.

Ника шла по ориентиру с бумажной карты. Ей хотелось достать телефон и проверить маршрут, но она понимала: современная навигация заведёт её туда, куда разрешено ходить.

За складом медицинского оборудования вырос двухэтажный фасад с широкими ступенями. В темноте он казался меньше, чем на фотографии, зато колонны и полоска металлической вывески совпадали до царапин.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ. КОРПУС 7.

Здание не было заброшено. За матовыми окнами работали лампы. Под крышей вращалась камера, слишком современная для этого квартала.

На ступенях сидела девочка в жёлтом плаще.

Та самая, которую Ника видела утром напротив мастерской.

Девочка подняла голову.

— Вы опоздали, — сказала она.

— Кто ты?

— Меня зовут Мира. Мне девять. Если вы сейчас уйдёте, вы меня забудете к утру.

Ника оглянулась. Ни машин, ни прохожих. Только на перекрёстке покачивалась дорожная табличка.

— Почему я должна тебе верить?

— Потому что вы уже спрашивали это в прошлый раз.

Девочка вытащила из кармана игрушечный кораблик. Красный, с отколотой трубой. Такой же, какой держал мальчик на фотографии.

— Это Дани?

Мира кивнула.

— Где он?

— Под землёй. Только не говорите его имени внутри. Они слушают имена.

Девочка поднялась и повела её вдоль стены к неприметной служебной двери. Дверь была заперта электронным замком без механической скважины. Мира приложила к панели ладонь, и замок открылся зелёной полосой.

— Почему тебя пускают? — спросила Ника.

— Потому что я ещё есть в реестре.

За дверью начинался узкий коридор со стеклянными перегородками. Внутри было чисто и холодно. Пахло обеззараживающим раствором. За стеклом рядами стояли кресла, похожие на стоматологические, с чёрными обручами для головы.

Кресла были пусты.

На стене светилась схема этажей: два надземных уровня и четыре подземных. Нижние этажи обозначались только номерами.

— Где Даня? — шёпотом повторила Ника.

— На минус третьем. Но сначала нужно забрать ваше дело. Без него вы снова решите, что всё это сон.

Они прошли по лестнице вниз. Каждый пролёт заканчивался дверью, но Мира открывала их одну за другой без усилий. Ника всё сильнее ощущала, что ребёнок не случайно знает дорогу.

На минус втором этаже тянулся коридор из матового стекла. За каждой дверью висела табличка с номером и датой последней Сверки.

— Это палаты? — спросила Ника.

— Комнаты несовпадения. Сюда приводят тех, кто что-то помнит неправильно.

— А потом?

Мира остановилась.

— Если человек соглашается забыть, он возвращается домой. Если нет, его делают человеком, которого уже нет.

В конце коридора загорелся красный сигнал. Ника услышала шаги, сначала далёкие, потом всё ближе. Мира схватила её за руку и толкнула в боковую комнату.

За стеклянной стеной виднелась небольшая переговорная. По центру стоял стол, на нём лежала папка из плотного серого картона. На обложке было напечатано: «ЛАЗАРЕВА В. С. Повторная процедура».

Ника раскрыла папку.

Первая страница содержала фотографию её лица. Вторая — медицинскую карту после удаления модуля. На третьей находилось заявление, похожее на то, которое Лев дал ей на вокзале. Только здесь имелась ещё одна строка.

«Приоритет сохранения объекта: Лазарев И. С.»

Под ней стояло: «Добровольный заявитель проходит временное исключение из собственной биографической памяти».

Ника почувствовала, как уходит почва из-под ног.

Она пришла сюда не затем, чтобы стереть брата.

Возможно, всё было наоборот. Она согласилась забыть что-то сама, чтобы его оставили в живых.

Снаружи открылась дверь.

— Сколько раз мы будем начинать сначала, Вероника? — спросил мужской голос. Ника медленно повернулась.

На пороге стоял мужчина в белой рубашке без знаков отличия. Он был старше, чем на старой семейной фотографии, но его нельзя было не узнать.

Илья.

Она шагнула к нему, забыв о страхе, о документах, о Мире.

— Илья?

Мужчина не улыбнулся.

— Я просил тебя не приходить. Мы почти закончили.

За его спиной возникли двое охранников. Один держал маленький планшет, на котором уже светилось имя Ники.

— Почему ты не позвонил мне? — выдохнула она.

— Потому что ты бы снова попыталась меня спасти.

Мира тихо отступила в сторону.

— Не слушайте, — прошептала она. — Это не тот Илья, которого вы помните.

Мужчина бросил на девочку короткий взгляд. На мгновение в нём промелькнуло выражение такой открытой ненависти, что Ника остановилась.

— Мира, уйди, — сказал он.

— Она должна увидеть, — возразила девочка.

Илья помолчал, затем нажал кнопку на стене.

Матовая перегородка стала прозрачной. За ней находилась ещё одна комната, почти такая же, только в центре стояло единственное кресло. В кресле сидел мальчик лет восьми, сжав в руках игрушечный корабль.

Даня Серов.

Мальчик поднял голову и посмотрел прямо на Нику.

— Ты обещала, что в этот раз не забудешь меня, — сказал он.

И тут Ника поняла, что слышит этот голос не впервые.

Глава 4. Право на существование

Ника узнала голос мальчика раньше, чем сумела вспомнить, где его слышала. Он звучал в её голове вместе со скрипом лестницы, запахом мокрой шерсти и металлическим стуком игрушки о перила. Она будто стояла в чужом доме и вдруг обнаружила на стене снимок собственной семьи.

— Я тебя не знаю, — сказала она.

— Знаешь. Просто каждый раз начинаешь с этого.

Мальчик смотрел на неё без детского любопытства. Он сидел прямо, обе ноги не доставали пола. Красный кораблик был зажат у него между коленями, а на запястье белела пластиковая лента с чёрной цифрой семь.

Илья не делал попытки приблизиться. Вблизи он оказался удивительно похожим на себя двадцатилетнего, только у рта появились две складки, каких Ника не помнила. Она представляла его старше именно так. Это сходство почему-то пугало сильнее охранников.

— Мира, выведи её, — повторил он.

— Я не могу, — ответила девочка. — Двери теперь ждут вашего решения.

На стене переговорной вспыхнула надпись: «Обнаружено несовпадение биографических сведений. Требуется подтверждение источника». Один из охранников коротко посмотрел на Илью, но не двинулся. Другой загородил выход.

Ника взяла папку со стола и прижала к груди.

— Ты живой?

— Да.

— Тогда почему двенадцать лет назад мне сказали, что тебя никогда не было?

— Потому что ты отказалась от другого объяснения.

— И какого же?

Он долго молчал. Ника впервые заметила, что на его правой руке отсутствует кончик указательного пальца. В детстве Илья однажды попал под промышленный пресс в школьной мастерской, но палец тогда спасли. Здесь шрам был ровным и старым.

— Дай мне час, — сказал он. — Я покажу тебе всё, что смогу.

— Мне уже показывали. Судя по документам, не один раз.

— Показывали. И ты всякий раз выбирала одно и то же.

Ника ощутила злость, знакомую ей с тех лет, когда приходилось спорить с врачами за право помнить близкого человека.

— Значит, тебе не стоит рассчитывать на другой ответ.

Илья медленно кивнул, будто ожидал именно этих слов. Потом обратился к охраннику:

— Снимите протокол принуждения. Она пришла добровольно.

— У неё нет действующей идентификации, — возразил тот.

— Я беру ответственность.

Охранник взглянул на планшет и отступил. Вторая дверь открылась с мягким щелчком. За ней оказался небольшой зал, где стояли четыре старомодных экранных терминала и шкаф со стеклянными полками. На полках хранились катушки плёнки. От этого зрелища Нике стало почти смешно: главное хранилище памяти будущего неожиданно напоминало забытый отдел городской библиотеки.

Илья указал на стул.

— Сядь.

— Постояю.

— Хорошо. Начнём с Серова.

— Он умер одиннадцать лет назад, по словам Льва.

— В официальном реестре. Физически он жив, и именно это делает его опасным. Он был первым человеком, отказавшимся подписать акт о закрытии программы.

— Какой программы?

Илья включил экран. На нём появился снимок северной окраины: жилые кварталы, портовые трубы, полоса свинцового моря. Затем изображение сменилось тем же районом после пожара. В одном из кварталов отсутствовали два десятка домов.

— Тринадцать лет назад в восточном резервуаре произошла авария, — сказал Илья. — Не взрыв, как сообщали тогда. Вентиляционная система распылила экспериментальный препарат, предназначенный для облегчения травматических воспоминаний. Первые добровольцы потеряли несколько часов. Другие стали забывать целые недели. У некоторых распалась личная биография.

— Почему об этом не было в новостях?

— Было. В течение девятнадцати минут. Потом исправили материал, записи камер и архивы. Слой уже работал почти у каждого взрослого. К утру люди помнили обычный складской пожар.

— Ты работал там?

— Я был стажёром в лаборатории. Ты привела меня, когда мне было семнадцать.

Ника вздрогнула.

— Я не работала в лаборатории.

— Сейчас нет. Раньше ты занималась обработкой аналоговых носителей для отдела резервного хранения. Именно ты обнаружила, что цифровая память может описывать несуществовавшее событие настолько убедительно, что человек начинает считать его своим.

Он открыл другую папку. На экране высветилась фотография Ники в рабочем халате. Ей было лет двадцать пять. На груди приколот карточка: «В. Лазарева, сектор независимой фиксации».

Всё могло быть подделкой. Ника отлично знала, как сделать правдоподобный снимок, как состарить бумагу и напечатать растр. Но на халате виднелось маленькое красное пятно от проявителя. Она помнила этот пятновыводитель: им пользовался преподаватель в училище. Совпадение было слишком личным.

— Почему я не помню работу?

— Потому что ушла после аварии. Потому что согласилась пройти восстановление. И потому что часть твоих воспоминаний связана с протоколом, который нельзя открыть изнутри.

— Что это вообще значит?

Илья подошёл к шкафу и достал бобину с мутной плёнкой.

— Ты оставила для себя записи. Обычная камера, обычный свет, никакой сетевой обработки. После каждого своего возвращения сюда ты смотрела их и выбирала. Оставить правду при себе или позволить нам завершить работу.

— Какую работу?

— Отключить возможность исправлять прошлое без согласия человека. Для всего города разом.

Мира стояла у двери, сцепив пальцы. Ника заметила, что девочка не смотрит на Илью. Она следила за охранниками.

— Почему тогда вы сами держите людей за стеклом? — спросила Ника.

Илья словно получил удар.

— Потому что пока мы не можем их выпустить. Если человек, которого система считает несуществующим, выходит в город, Слой начинает устранять противоречие. Он не убивает его непосредственно. Но отменяет маршруты, медицинскую помощь, документы, работу. Даже близкие перестают узнавать его. Некоторые не выдерживают. Других находят службы безопасности.

— Какая удобная разница.

— Я знаю, как это звучит.

Ника отложила папку и подошла к стеклу, за которым сидел Даня. Мальчик поднял голову, будто ждал сигнала.

— Ты хочешь домой? — спросила она через громкую связь.

— К папе, — сказал он. — Только папа каждое утро перестаёт меня узнавать.

Она закрыла глаза. На мгновение ей представилось, что такой же вопрос задавал ей Илья в квартире родителей, двенадцать лет назад. «Ты за мной придёшь?» Тогда она ответила «конечно», даже не понимая, что слово будет звучать в голове годами.

— Я заберу его, — сказала Ника.

Илья не спорил.

— Попробуй. У него нет наружного статуса. Первый патруль вызовет опеку, а в опеке его уже не найдут в системе.

— Значит, вернём статус.

— Именно для этого мы тебя и ждали.

В зале вдруг погас экран. С улицы донёсся басовитый сигнал Сверки. В городе пробило десять вечера. За стеклом один из датчиков окрасился зелёным. Даня вздрогнул, прижал кораблик к животу и повторил почти механическим голосом:

— Меня зовут Даня. Моего папу зовут Виктор. Меня зовут Даня.

Мира подалась к стеклу.

— Началось, — сказала она.

Илья нажал на переговорной панели несколько кнопок. Свет в зале мигнул. По потолку пробежала синяя полоса и погасла.

— Резервный экран держится три минуты, — произнёс он. — Ника, если ты действительно помнишь брата, значит, ещё способен сработать старый способ. Посмотри на плёнку. Только решай сама.

Экран ожил. На нём появилась Ника, бледная, с перевязанной рукой и усталыми глазами. Она смотрела прямо в объектив.

«Если ты снова видишь это, значит, я опять не выдержала», — сказала женщина на записи.

Ника узнала собственный голос. И ощутила не страх, а глубокое, бессильное стыдное горе: женщина перед ней явно знала, что ей придётся повторить одно и то же признание ещё много раз.

«Не слушай Илью, пока не узнаешь, сколько людей мы заперли ради одного».

Экран погас. Илья не шевелился. Мира смотрела в пол.

— Ради одного кого? — спросила Ника.

Но ответ пришёл не от них. По внутренней связи хрипло произнесли:

— Директор на объекте. Всем сотрудникам занять места. Экстренная Сверка через две минуты.

Илья резко схватил плёнку, сунул Нике в руку и открыл боковую дверь.

— Беги за Мирой. Я задержу их. Сегодня они не имеют права получить тебя обратно.

— А Даня?

— Сначала найди способ вернуть его в реестр. Иначе он погибнет среди людей, которые его не заметят.

Ника хотела возразить, но из дальнего коридора уже доносились тяжёлые шаги. Мира схватила её ладонь. В следующий миг трое оказались в темноте служебного хода, где пахло сырой землёй, а где-то под ногами гудела вода.

Глава 5. Жёлтый плащ

По тоннелю шли гуськом. Впереди Мира уверенно переступала через лужи, Ника несла катушку, прижатую к груди. Сзади, за толстым перекрытием, несколько раз ударили в дверь. Затем раздался голос Ильи. Слов разобрать не удалось.

— Ты знаешь, куда мы идём? — спросила Ника.

— Водоотводная галерея выводит к старой станции. Там нет камер.

— Откуда ты знаешь?

— Я живу в корпусе семь почти всю жизнь.

— С родителями?

Девочка прошла несколько шагов, прежде чем ответить:

— Сначала с мамой. Потом просто там.

Ника снова посмотрела на неё. Под жёлтым плащом виднелась пижамная кофта, на ногах были тяжёлые резиновые сапоги. Девочка казалась одновременно самостоятельной и чудовищно маленькой для своего спокойствия.

— Почему ты решила мне помочь?

— Вы помогли мне раньше. На третьем этаже есть дверь, которую открывают только сотрудникам. Когда я была младше, вы приносили за неё книжки. Настоящие, бумажные. Там были рисунки кораблей и карты. Потом вы исчезли. Я подумала, что вас тоже удалили.

— И ты меня помнила?

— Да. Мне нельзя ставить модуль. У меня несовместимость с нейропластиной. Врачи называют это редким синдромом. Поэтому они записывали меня на бумаге.

— Кто записывал?

— Мама. Пока была рядом.

Тоннель закончился решёткой. Мира присела и вытащила из рукава тонкий металлический крючок. Слишком ловким движением она поддела старую скобу, отжала замок и открыла решётку.

Они вышли в заросший парк между опустевшими депо. Ночные фонари освещали мокрые кусты, и Ника впервые за последние часы почувствовала ветер. Над городом медленно прошла облачная тень. Вдали горели тысячи одинаковых прямоугольников окон.

— Куда теперь? — спросила Мира.

Ника хотела сказать «домой», но дом был первым местом, где их стали бы искать. Мастерская тоже отпадала. Единственным человеком, который уже проявил интерес и не имел действующего модуля верификации, оставался старый букинист. Она вспомнила, как он даже не поднял глаз, когда за ними с Львом вошла женщина с коляской.

— Знаешь район старого рынка?

— Знаю. Там продают сухие яблоки.

— Пойдём туда.

Они шли вдоль трамвайных путей, пока ноги не начали болеть. На остановке Мира попросила пить. Ника купила воду в киоске, где стоял механический кассовый аппарат. Пожилая продавщица поворчала на мокрые купюры, но не потребовала электронную карту. Этот короткий разговор оказался первым нормальным событием за весь день.

На скамье у киоска Мира вдруг сказала:

— Дядя Илья не плохой.

— Ты его защищаешь?

— Нет. Просто когда люди хотят кого-то спасти, они иногда делают хуже. Мама так говорила.

Ника открыла бутылку и протянула её девочке.

— А где твоя мама сейчас?

— В библиотеке, наверное.

— Ты не знаешь?

Мира отрицательно покачала головой.

— Её зовут Ася Белова. Она работала там, где книги никогда не выдавали. Ставила на них печати и прятала в стены. Однажды пришли люди с белыми метками на рукавах. Мама сказала, чтобы я никуда не ходила и никого не пускала, даже если она попросит. Потом она ушла. А на следующий день все говорили, что мамы никогда не было.

— А ты?

— Я спросила у дяди Ильи. Он сказал, что мама пропала, потому что хотела рассказать всем про Реестр.

Ника отняла бутылку от губ.

— Про какой Реестр?

— Так они называют настоящее хранилище. Не то, что показывают по телевизору. Там решают, кто считается человеком.

Она произнесла это без пафоса, точно объясняла устройство школьного расписания.

Через час они добрались до старого рынка. Книжный павильон был закрыт. На двери висел бумажный лист с надписью: «Уехал. Вернусь, когда понадобится». Ни телефона, ни даты. Однако на деревянном косяке кто-то оставил мелом маленький рисунок совы. Ника видела такую сову прежде. Она была нарисована на корешке каталога, куда Ника спрятала распечатку отражения.

В павильоне не горел свет. Но соседний ларёк со старой мебелью ещё работал. За стойкой сидела крупная женщина в вязаном жилете и собирала пазл.

— Букинист не появлялся? — спросила Ника.

— Он появляется, когда ему надо, — ответила женщина. — А вы, наверное, к Ольге Степановне?

— К кому?

— Так, значит, не к ней. Тогда вам налево, за холодильники. Только свет не включайте.

Ника не успела расспросить её, откуда известно о посетителях. Женщина вернулась к пазлу и сделала вид, что больше никого не видит.

За холодильниками открылась железная дверь в тесный подвал. Внутри стояли бочки с краской, коробки с брошюрами и складные столы. За одним столом женщина лет шестидесяти переплетала старый учебник. На ней были толстые очки с левой линзой, залатанной прозрачным скотчем.

— Вероника, — сказала она, не поднимая головы. — Наконец-то.

— Вы меня знаете?

— И каждый раз задаёшь один вопрос. Похоже, у нас маленькая семейная традиция.

— Вы Ольга Степановна?

— Для тебя просто Оля. Ты так говорила, когда мы спасали первые архивы. Закрой дверь, девочке нужно согреться.

Мира бросилась к женщине, как к бабушке. Та обняла её, поцеловала в мокрую макушку и усадила на старый диван. Потом достала из ящика сухие носки.

Ника стояла у порога и впервые за вечер не знала, кому верить. Люди, которых она не помнила, вели себя как старые знакомые. Каждый второй утверждал, что видел её неделю назад. Но никому она не могла предъявить собственное прошлое, кроме шрама за ухом и воспоминания об исчезнувшем брате.

Ольга, заметив её взгляд, сказала:

— Ты думаешь, они все сговорились. Это разумно. Слепой вере мы тебя точно не учили.

— Мне нужно убедиться, что никто из вас не ведёт меня в ловушку.

— Тогда начнём с самого простого. Достанешь из правого ботинка плоский ключ?

Ника удивлённо посмотрела на женщину. В правом ботинке под стелькой действительно лежал маленький латунный ключ. Она нашла его утром, когда обувалась, и решила, что забыла старую запасную деталь после ремонта молнии. Ключ она не показала никому.

Ольга протянула руку, но не взяла его.

— На нём три царапины. Одну сделала ты, когда ремонтировала мне шкаф. Остальные две — Илья в детстве. Он верил, что количество царапин помогает вещам помнить своих хозяев.

Ника перевернула ключ. На металле действительно были три неровные риски.

— Это может знать кто угодно.

— Да. Поэтому я не прошу верить. Держи.

Ольга подала ей плотный конверт, запечатанный сургучом. На лицевой стороне крупным неровным почерком было написано: «Нике. Только когда придёшь с Мирой».

— Кто написал?

— Ты.

Внутри находились три листа и маленькая фотография, сделанная в этой комнате. На снимке Ника сидела за тем же столом, рядом с Ольгой, Левом и Мирой. На стене позади них стояли две даты, записанные мелом: 7 мая и 19 октября.

Ника прочитала первый лист. Это было не письмо, а инструкция на случай провала. «Не верь времени на цифровых экранах. Не принимай лекарства, которые предлагают сотрудники. Если я снова потеряю последние недели, объясни мне: ключ открывает не дверь, а шкаф в прачечной старого роддома. В шкафу лежит то, что нельзя переписать».

На последней строке рука явно дрогнула.

«И не обвиняй Льва. Он не предал нас».

Ника долго смотрела на эти слова.

— Что случилось с Львом? — спросила она.

Ольга сняла очки и протёрла их рукавом.

— Сегодня? Пока не знаю. До этого он возвращался. Иногда слишком поздно, но возвращался всегда.

За стеной послышался шум двигателя. Ольга погасила лампу. В узкое подвальное окно скользнул луч прожектора.

— Ну вот, — тихо сказала она. — Кажется, кто-то привёл хвост. Вы обе ложитесь на пол.

Глава 6. Список пустых квартир

Микроавтобус остановился перед рынком без sireны. Из него вышли трое в одинаковых серых куртках и двинулись вдоль павильонов. Их лица Ника увидела через щель между мешками с макулатурой. Первым шёл мужчина с перекошенным носом, следом женщина с короткой стрижкой. Третий держал планшет, подсвечивавший ему подбородок.

— Откуда они узнали? — прошептала Ника.

Ольга положила палец на губы и показала на катушку в её руках. Металлический корпус был холодным и, насколько Ника могла судить, не имел датчика. Однако из торца едва заметно торчала блестящая пластинка с заводской маркировкой.

— Пломба учёта, — выдохнула Ольга. — Она сама ничего не передаёт, но её видят считыватели рядом с транспортными воротами.

Ника с досадой сжала зубы. Они прошли мимо одного такого воротного считывателя у трамвайного депо.

— Пломбу можно снять?

— Сейчас уже поздно. Нужно уходить через вентиляцию.

Она отодвинула шкаф с переплётными досками. За ним оказалась квадратная шахта, достаточно широкая для ребёнка и взрослого, если ползти на боку. Мира без единого вопроса полезла первой. Ника сунула катушку в сумку и последовала за ней. За их спинами Ольга вернула шкаф на место.

— А ты? — успела спросить Ника.

— Моё исчезновение вызовет больше вопросов, чем мой скучный характер. Идите.

По шахте они выбрались в технический колодец. Оттуда через узкий лаз попали во двор заброшенного кинотеатра. Когда Ника поднялась на ноги, в кармане завибрировал телефон. Она забыла выключить его после разговора с Львом. На экране появилось уведомление: «В соответствии с протоколом заботы вам назначена консультация. Место: ближайший пункт Слой. Время ожидания: 00:00».

И сразу следующее: «Ваш текущий адрес уточняется».

Она разбила телефон о бетонный бордюр. Экран раскололся, и в ночном воздухе запахло горячей изоляцией. Мира наблюдала молча.

— Мы теперь преступники? — спросила она.

— Не знаю.

— В корпусе говорят, что преступники — это люди, которые отказываются рассказывать правду.

— Иногда те, кто требуют правду, хотят услышать только свою версию.

Они остановились под навесом. Ника проверила конверт, подаренный Ольгой. На втором листе были адреса. Двенадцать улиц, по несколько квартир на каждой. Рядом с каждым адресом стоял статус: «занято», «временно свободно», «утрачено».

— Что это? — спросила Мира.

— Похоже, список мест, где можно спрятаться.

— Может, раньше это были дома тех, кого удалили?

Ника посмотрела на графу «утрачено». Она не знала ответа, но предположение девочки показалось слишком точным.

Первым адресом значился дом в трёх кварталах от старого роддома. Подъезд открывался обычным ключом, который лежал под рассохшейся доской на лестнице. В квартире на четвёртом этаже было чисто, пахло мылом и высохшими яблоками. В комнатах не оказалось почти никаких электронных приборов. На стене висели часы с механическим ходом.

На кухне Ника нашла несколько банок тушёнки, коробку печенья, две кружки и блокнот с записями о расходах. Бумажные деньги лежали в конверте для квитанций. Судя по заполненному календарю, кто-то жил здесь совсем недавно.

Мира заснула на диване, накрывшись шерстяным пледом. Ника хотела последовать её примеру, но не могла. Она ходила по квартире, осматривая предметы, и пыталась определить, что люди обычно оставляют после себя, если собираются вернуться. В прихожей стояли мужские ботинки. На подоконнике засыхала герань. У двери висел жёлтый дождевик взрослого размера.

Она взяла блокнот и начала читать. Каждая страница описывала очередной день, но не как дневник. «Куплено молоко. Утром соседка спросила про Игоря. В обед отменила вопрос. Вечером сказала, что не знает никого по имени Игорь». Следующий день: «У дома перестала открываться дверь для Жанны. Служба поддержки утверждает, что она не проживала здесь». Потом запись: «Просьба не доверять новым фотографиям. Бумага всё ещё честнее сервера, но и её могут подменить».

Ника закрыла блокнот. На внутренней стороне обложки стояло имя: «А. Белова». Мать Миры.

В спальне под матрасом она нашла картонную папку. Внутри лежали семейные фотографии, вырезки из газет и письма. На одном снимке маленькая Мира сидела у женщины с короткими рыжими волосами. На другом Ася стояла рядом со Львом у входа в роддом. Между ними улыбалась Ника. Дата в углу была проставлена старым фотоаппаратом: февраль прошлого года.

Ника села на кровать. Столько раз чужие фотографии показывали ей жизнь, которой она не помнила, и каждый раз снимки будто отбирали что-то ещё. Если верить им, последние годы она не сидела в одиночестве в мастерской, не ходила от врача к врачу и не искала брата. Она была частью команды, участвовала в тайных встречах, спасала людей и неоднократно возвращалась в опасный корпус. Как можно забыть целую жизнь и продолжать считать себя прежней?

Внизу хлопнула дверь подъезда. Ника быстро выключила свет и подошла к окну. На улице никого не было. Через минуту по лестнице раздались шаги. Два человека поднялись на третий этаж и остановились. Послышался лёгкий стук, словно кто-то проверял дверной замок.

Ника прислушалась. У неё был лишь маленький ключ и канцелярский нож из сумки. Она мысленно отметила расстояние до выхода на крышу. Шаги прошли выше, затем стихли.

К двери четвёртого этажа приблизились осторожно. Раздался заранее знакомый ритм: три коротких удара, пауза, два.

Ника напряглась, как в мастерской утром.

— Кто там?

— Ты, конечно, решила, что это я, — произнёс за дверью хриплый голос. — Но если бы я хотел тебя сдать, у меня уже было двенадцать возможностей.

Это был Лев.

Она открыла дверь не сразу. Сначала попросила назвать дату, когда они познакомились. Лев ответил, что это случилось в день похорон школьного сторожа, у которого Илья украл старый магнитофон. Ника вспомнила эпизод с такой ясностью, будто ей вернули часть собственной кожи.

На пороге Лев держался за стену. Под левым глазом наливался синяк, на рукаве темнела кровь.

— Ольга жива? — спросил он вместо приветствия.

— Когда мы уходили, да.

Он кивнул и осторожно переступил порог. В комнате Мира шевельнулась во сне, но не проснулась.

— У нас проблема, — сказал Лев, закрывая дверь. — Список адресов, который тебе дали, составлен до последней Сверки. Они нашли семь квартир из двенадцати. А в восьмой сейчас сидят двое сотрудников и ждут владельца.

— Эта девятая?

— Нет. Эта восьмая.

За стеной закричала половица. Лев сделал движение к выключателю и остановился.

— Оружия у меня нет, — сказал он. — Но я знаю, как не дать им закрыть подъезд.

С нижнего этажа донёсся женский голос, приглушённый динамиком:

— Вероника Лазарева. Мы знаем, что вы здесь. Никто не собирается причинять вам вред. Нам нужно обсудить обстоятельства добровольного обращения.

Ника оглянулась на спящую Миру. Девочка прижимала к груди чужую фотографию матери.

— Как ты нас нашёл? — спросила Ника у Льва.

— По записи, которую ты сама мне оставила. Если однажды приведёшь Миру в квартиру Аси, прийти до полуночи. Я пришёл раньше на семь минут.

Он вытащил из кармана несколько сложенных листов. На верхнем был план дома. Красным отмечался выход через мусоропровод на технический балкон.

— Разумеется, — сухо сказала Ника. — Ты подготовил и побег.

— Нет. Ты подготовила. Я только храню твои планы.

Снизу послышался тяжёлый металлический щелчок. Главную дверь подъезда заперли.

Глава 7. Роддом без детей

Они вышли через технический балкон на соседнюю лестницу. Мира проснулась от одного прикосновения Ники, схватила сапоги и молча пошла за взрослыми. Лев двигался медленно, стараясь не задеть перевязанной рукой стены. На площадке второго этажа кто-то включил радио, и из квартиры донёлся бодрый голос ведущего, рассказывавшего о снижении тревожности граждан после внедрения очередной версии Слая.

Ника испытывала странную злость на эту обычность. Пока они ползли по балкам и прятались в подъезде, город продолжал считать, будто тревогу можно исправить обновлением.

На улице Лев привёл их к маленькому грузовому электрокару. У него не было доступа к сети, вместо дисплея стоял механический счётчик хода, а на приборной панели лежал дорожный атлас.

— Это музей? — удивилась Мира.

— Это автомобиль, который никому не сообщает, куда едет, — ответил Лев.

Когда рынок остался позади, Ника спросила:

— Как тебя выпустили из павильона?

— Не выпускали. Букинист задержал их, включив пожарную тревогу. Я добрался до задней двери, но один из сотрудников догнал меня на лестнице.

— Твой модуль?

— Отключен с обеда. Я держу его на виске, чтобы меньше привлекать внимания. Провод внутри давно перерезан.

— Почему же ты не сказал раньше?

— Потому что ты меня всё равно не помнила. Слишком много фактов за один день; ты уже переставала различать объяснение и давление. Не хотел быть ещё одним человеком, который требует веры.

Ника посмотрела на него. Обычно Лев прятался за иронией, теперь говорил ровно, и это делало его незнакомым. Под глазами у него лежали тёмные круги.

— Кто подписал моё заявление девятнадцатого октября?

— Ты. Подробности в прачечной роддома.

— Откуда уверенность?

— Я был рядом.

— И снова не остановил?

Лев долго вёл машину молча. Затем сказал:

— На сей раз ты просила не о себе.

Старый роддом находился между железнодорожной развязкой и жилыми корпусами, построенными ещё до нейросетевого проекта. Здание закрыли после реформы здравоохранения, но снаружи оно выглядело ухоженным: кто-то недавно покрасил двери и убрал мусор возле крыльца. В подсобке пахло влажным бетоном и стиральным порошком.

Лев подал Нике фонарь.

— Прачечная в подвале. Я останусь у машины.

— Боишься, что мы увидим что-то лишнее?

— Боюсь, что нас опять найдут. И ты обещала не верить моим объяснениям, пока сама не увидишь содержимое шкафа.

Они с Мирой спустились по узкой лестнице. Механический замок третьего шкафа открылся ключом из ботинка. Внутри лежали бумажные папки, плотный холщовый мешок и видеокассеты старого формата. Над каждой кассетой стояла дата. Самая свежая была подписана: 19.10.2041.

Ника включила переносной проигрыватель. Экран едва поместился на крышке стиральной машины. Появилась комната, которую она видела в корпусе семь. Перед камерой сидела сама Ника, только руки у неё были испачканы кровью.

«Если я опять пришла сюда и ничего не помню, начни с главного. Я согласилась на стирание последнего цикла, потому что сотрудник Реестра угрожал Мире. Но Илья не знал всей операции. Ему до сих пор кажется, что мы пытаемся отключить систему по его плану. На самом деле сначала нужно забрать оригинал реестра. Бумажный. Настоящий. Он существует».

Изображение дрогнуло. Ника на кассете с трудом выпрямилась.

«Лев знает, где он. Но только Ася может показать, какие имена в нём скрыты. Если Ася жива, не требуй от неё немедленно всё рассказать. Она одна из тех, кто принимает решение о перечне. Не судья. Просто человек, который не выдержал первых смертей».

На этом запись оборвалась. Следующая кассета была сделана месяц назад. Ника на ней смеялась, пила чай с Мирой и Ольгой. Между кадрами женщина рассказывала, как они с Львом пытались убедить Илью согласиться на публикацию доказательств. Илья отказался. Он сказал, что открытый реестр вызовет паническую волну и может погубить людей, которых ещё можно защитить.

— Поэтому он запирает Даню? — спросила Ника у девочки.

— Он говорит, что если папа увидит сына и потом снова забудет, ему будет больно. Но Даня не боится боли. Он боится, что папа умрёт, так и не узнав, кто он.

Мира говорила тихо, словно повторяла чьи-то слова. Ника положила ладонь ей на плечо.

В мешке лежал толстый том в зелёном переплёте. На корешке значило: «Журнал первичной идентификации. Период 2028–2029». Страницы были исписаны от руки, аккуратным ровным почерком. Напротив каждой фамилии стояли даты, адреса, свидетельства об исчезнувших родственниках. Некоторые строки перечёркнуты красным. Некоторые имели пометку «переведён» и номер корпуса.

На странице с именем Ильи Ника остановилась. «Лазарев Илья Сергеевич. Статус: свидетель инцидента. Первичное исключение 05.09.2029. Последующие подтверждения ежегодно».

Но самой страшной оказалась графа с названием «ответственный представитель». Там стояла её подпись. Не на одном деле. На двадцати семи.

Ника медленно листала журнал, пока не дошла до последних страниц. Под её фамилией были отметки о двадцати семи людях, которых перевели в резервный статус. Среди них встречались дети, мужчины средних лет, один пожилой врач. Некоторые фамилии были ей знакомы по старым объявлениям о поиске пропавших.

— Я их сдала, — сказала Ника.

— Нет, — ответила Мира. — Ты их спасла от удаления. Мама рассказывала, что если человека вносят в резервный журнал, он остаётся живым. А если не успеть, его забирают люди с белыми метками.

— Но почему я должна была подписывать бумаги? И почему они остались здесь?

Мира пожала плечами.

Ника нашла внизу страницы маленькую приписку другой ручкой: «Подписи фиктивны. Согласия получены принудительно. Резервных лиц нельзя считать добровольцами».

Она узнала почерк Аси по записи на блокноте. Впервые между ложью и правдой обозначилась граница: на бумаге хотя бы можно было прочитать возражение, которое цифровая система уже давно стёрла.

Снаружи раздался гудок. Один длинный, два коротких. Условленный сигнал Льва.

Ника закрыла журнал, сунула его в мешок и потянула Миру к лестнице. Наверху хлопнула дверь. Кто-то бежал по коридору, тяжело дыша. На площадке Ника увидела Льва. Он был бледен, но улыбался.

— У нас гости, — сказал он. — И на этот раз тебе придётся выбирать, кому предъявить оригинал.

За его спиной стояла женщина в сером медицинском костюме. Рыжие волосы были собраны под платком. Левая ладонь перевязана тканью.

Мира выпустила руку Ники.

— Мама?

Женщина присела на одно колено. Девочка бросилась к ней, и обе на секунду исчезли друг в друге, как люди, которых слишком долго удерживали разные стороны одной стены.

Лев отвёл взгляд.

— Ася не пропала, — сказал он. — Она всё это время собирала свидетелей. Но теперь они собираются стереть не человека. Весь квартал.

Глава 8. Четыреста двадцать три

Ася Белова пахла йодом, дождём и чем-то сладким, похожим на засахаренный имбирь. Когда Мира наконец перестала обнимать её, женщина поднялась, подошла к Нике и протянула здоровую руку.

— Ты не должна была видеть меня здесь, — сказала она. — Но нам некуда больше откладывать встречу.

— Кто за тобой гонится?

— Те же, кто и за вами. Разница в том, что меня они считают умершей. Это иногда помогает.

Лев закрыл дверь в подсобку роддома. С улицы донёсся приглушённый голос навигатора проезжавшей машины, затем наступила тишина.

Ася осмотрела журнал в зелёной обложке и осторожно перевернула несколько листов.

— Где ты его нашла?

— Там, где сама себе оставила.

— Значит, прежняя Ника была умнее нас всех вместе.

— Не надо говорить обо мне как о покойнице.

Ася подняла голову. Она выглядела измученной, но глаза оставались ясными.

— Ты права. Прости. Наверное, мы слишком давно привыкли общаться с твоими записками.

Они устроились в бывшей комнате персонала, где стояли четыре стула и старый холодильник. Лев отыскал чайник, но вода из крана пахла железом, поэтому Ася достала из сумки термос. Мира, прижавшись к матери, рассказывала ей о мальчике с корабликом. Взрослые слушали, стараясь не перебивать.

Когда девочка уснула, Ася положила журнал на стол.

— Четыреста двадцать три, — произнесла она.

— Что?

— Столько человек в нашей части города вычеркнули из гражданского реестра за последние три года. Не умерли, не переехали, не пропали без вести. Для города они никогда не существовали.

— А сколько было раньше?

— Мы не знаем. До тридцать девятого года сохранились фрагменты. Там речь может идти о тысячах. Некоторые случаи были экспериментальными. Потом систему поставили на поток.

— Зачем?

— Сначала говорили, что это защита граждан от травмы. Семьи погибших после катастрофы не выдерживали воспоминаний. Им предлагали коррекцию. Потом обнаружили, что можно исправлять свидетельские показания, спорные решения суда, историю операций и несчастных случаев. Человек, которого никто не помнит, не может предъявить претензию.

Ника вспомнила вывеску на автобусе и тихий голос рекламы. Жизнь без лишнего багажа.

— Ты сама участвовала?

Ася не отвела взгляда.

— Да. Я составляла первичные дела. Проверяла, что у человека есть реальная биография, и подтверждала источник данных. Потом подписывала обходные исключения. Они назывались защитными.

— И тебе не пришло в голову спросить, куда деваются люди?

— Пришло. Только не сразу. Мне показывали отчёты, где они получали новые документы и безопасное жильё. Проблема была в том, что большинство документов никогда не выдавалось. Я заметила это, когда маленькая девочка пришла искать мать.

Она посмотрела на Миру.

— Не её. Другую. Совсем другого ребёнка. Девочке было одиннадцать. Она принесла школьную грамоту. Там стояло имя матери, которое официально считалось ошибкой печати. Через неделю девочка исчезла тоже.

Ника не знала, что сказать. Ася продолжала:

— Я могла тогда уйти. Многие ушли. Но знала коды, которыми заверяются изменения. Думала, если останусь, найду доказательства. Однажды у меня получилось выгрузить резервный журнал, но мою копию удалили даже с отключённого терминала при следующем включении. Тогда ты предложила печатать его. Два оригинала. Один у нас, второй в самом сердце Реестра.

— Зачем там оставлять второй?

— Чтобы система не распознала расхождение. Реестр проверяет физические журналы по старому протоколу. Удалить все копии опасно для управляющих: если когда-нибудь потребуется объяснить сбой, они не смогут доказать, что его не было. Поэтому бумага осталась их страховкой.

Лев разложил на столе карту города. Красными кругами были отмечены участки вокруг школ, больниц и транспортных узлов. В центре каждого стоял номер.

— Завтра утром, — сказал он, — центральное управление проведёт тест объединённой Сверки для четырёхсот тысяч жителей северного сектора. В случае успеха тот же режим включат во всём городе.

— Что значит объединённой?

— Раньше требовалось исправлять связи по отдельности: в семье, учреждении, документах. Теперь строят общую модель. Она предсказывает, какое воспоминание человек сочтёт своим, даже если никогда не переживал событие. Достаточно изменить опорный узел. По сути, им больше не нужен повод.

Ника почувствовала холод.

— И завтра сотни тысяч людей забудут что?

— Для начала, что несколько сотен их соседей существовали. Это подготовка перед удалением проекта «Восточный берег» из истории города.

— Причём здесь берег?

Ася вытащила из сумки фотографию: жилые дома, дети на площадке, забор завода на фоне. На задней стороне была подпись «Восточный, май 2028».

— После аварии там обнаружили тяжёлые нарушения. Врачи жаловались на хронические отравления. Город выплатил компенсации, но только семьям, которых было легко посчитать. Остальные исчезли из документов. Теперь берег хотят застроить заново. Покупатели не должны знать, что на земле лежат старые резервуары.

— Значит, всё ради квартир?

— Не только. Но деньги сделали проект удобным для руководства.

Ника пересчитала красные круги. В каждом районном узле должно было работать по несколько тысяч модулей. Ника знала устройство цифровой фотолаборатории, но не массовой нейрокоррекции. Она понимала одно: если причина изменения хранится в одном центре, нельзя победить, просто доказав одну ложь.

— Нам нужно открыть Реестр всем, — сказала она.

— Выложишь файл, они удалят его через минуту, — возразил Лев.

— Значит, нужно сделать так, чтобы его нельзя было удалить.

Ася усмехнулась без радости.

— Мы обсуждали это сотню раз. У нас нет доступа к общему каналу. На стороне центрального управления не осталось ни одного человека, которому можно доверять.

— Есть Илья.

Лев посмотрел на неё с неожиданной болью.

— Илья не станет. Он считает, что сначала нужно подготовить жильё и лекарства для всех исключённых. И он не совсем неправ.

— А если завтра исчезнут ещё четыреста человек?

В комнате стало тихо.

Ася коснулась журнала пальцем.

— Видишь, почему мы каждый раз приходим к этому разговору? Скрывать правду — значит делать то же самое, что делают они. Открыть её резко — значит обрушить жизни тех, кого мы пытаемся спасти.

Ника смотрела на спящую Миру. Девочка засунула ладони под щеку и дышала глубоко, спокойно, как дышат дети, которые наконец снова оказались рядом с матерью.

— Тогда предупреждать людей нужно заранее, — сказала Ника. — До того как они узнают, что их воспоминания врут. Пусть будет инструкция, что делать. К кому обращаться. Где получить бумажные копии документов.

— И куда идти ребёнку, которого не узнаёт отец? — спросила Ася.

Ника не нашлась с ответом.

— Вот с этого и начнём, — сказала Ася. — С ребёнка. Не с четырёхсот тысяч человек. Если мы не сумеем вернуть Дане отца, наша большая схема ничего не стоит.

Глава 9. Тот, кто помнит

Дом Виктора Серова стоял в рядовом квартале с одинаковыми серыми фасадами. На двери квартиры горела зелёная точка допуска; автоматический замок считал владельца единственным жильцом. Ника провела несколько минут возле лифта, пока Лев спускался в подвальное помещение и выключал питание подъездной сети. Затем они вдвоём поднялись по лестнице и постучали.

Виктор Андреевич открыл сразу. В домашнем свитере он выглядел ещё старше, чем утром. Глаза были красными, на щеках виднелась небритая щетина.

— Я вас знаю? — спросил он.

— Сегодня вы были в моей мастерской. Принесли фотографию мальчика.

— Ах, это вы. Я думал, мне приснилось.

Ника достала снимок. Старик взял его за уголок двумя пальцами и приблизил к лампе. На мгновение черты его лица смягчились.

— Красивый ребёнок, — сказал он. — Кто это?

— Ваш сын. Даня.

Он нахмурился.

— Послушайте, девушка. В моём возрасте память, конечно, уже подводит, но не настолько.

Ника показала записку, которую он принёс сам. Старик долго изучал собственный почерк.

— Я мог так написать? — спросил он.

— Написали. Когда ещё помнили.

— Если это правда, значит, я плохой отец.

Ника почувствовала укол неожиданного сострадания. Ей хотелось злиться на него, на всех взрослых, которые так легко отказывались от детей. Но мужчина смотрел на фотографию с отчаянием человека, у которого украли даже право горевать.

— Вы ничего не выбирали, — сказала она. — Вашу память исправляют каждую ночь. Нам нужна ваша помощь, чтобы это прекратить.

Он опустил в кресло.

— Что я должен сделать?

Ася вошла следом, и мужчина тут же выпрямился. В её руках был медицинский кофр, похожий на обычную сумку фельдшера.

— Сначала проверим, что модуль можно отключить без опасности для сердца. Вы подписывали документ о нейромодуляции?

— Подписывал, конечно. А разве это что-то меняет?

— Очень многое.

В течение часа Ася осматривала его, проверяла пульс, давление и сведения о старых заболеваниях. Лев, воспользовавшись выключенной домашней сетью, разобрал настенную панель и отсоединил провод управления Сверкой. Он работал быстро, но несколько раз останавливался, чтобы прислушаться к лестнице.

Ника нашла в шкафу картонную коробку. На ней от руки было написано «НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ». Внутри лежали билеты в музей, билет на детский спектакль, рисунок солнца и поцарапанный кораблик без мачты. Всё это были вещи, которые мог оставить ребёнок. Но в коробке находились также письма жене, умершей шесть лет назад. На одном конверте значилось: «Для Дани, когда ему исполнится десять».

— Я писал мальчику? — спросил Виктор Андреевич, заглядывая через плечо.

— Похоже, да.

Он взял письмо, но вскрывать не стал.

— Мне не нравится, что кто-то просит меня читать чужую жизнь. Даже если это моя собственная.

— Мне тоже, — сказала Ника.

Он посмотрел на неё, словно впервые увидел не человека, который пытается его убедить, а женщину с похожей бедой.

— У вас тоже кто-то пропал?

— Брат. Только мой был уже взрослым.

— Нашли?

Ника вспомнила Илью у стеклянной стены. Вопрос оказался сложнее, чем мог предположить старик.

— Нашла. Но пока не уверена, что он вернулся.

Ася закончила осмотр и села напротив Серова.

— Я не буду обещать, что все воспоминания вернутся. Отключение коррекции прекращает новые вмешательства, но то, что уже изменилось, может остаться повреждённым. У нас есть способ помочь вам собирать факты заново. Только решение принимать вам.

Виктор долго молчал. Потом кивнул.

— Если ребёнок существует, я хочу узнать правду. Даже если окажется, что я был скверным отцом.

Ася аккуратно сняла верхнюю крышку модуля. Под ней мигнула синяя лампочка. Лев включил подавитель сигнала, сделанный из старой радиостанции. Серов вздрогнул, как от резкого шума, но через минуту открыл глаза.

— Словно в ушах стало тише, — сказал он.

Ника положила перед ним фотографию. Старик смотрел на мальчика дольше прежнего. Он не произнёс имени. Вместо этого внезапно расплакался.

— Не помню, — сказал он сквозь слёзы. — Но я чувствую, что должен помнить. Разве этого недостаточно?

— Для начала достаточно, — ответила Ася.

Серов рассказал им об аварии одиннадцатилетней давности. По его словам, он был инженером на объекте нейронного хранения, а после увольнения согласился на программу защиты свидетелей. Ему дали новую идентификацию и предложили навсегда забыть прежнюю биографию. Он отказался, но спустя год обнаружил, что документы, друзья и коллеги уже не подтверждают его прошлое. Лишь несколько бумажных снимков осталось от старой жизни.

— А Даня? — спросила Ника. — Когда он родился?

— Я не знаю. Но я точно не умер одиннадцать лет назад. Меня вычеркнули тогда, после пожара. Возможно, поэтому они считают мою нынешнюю семью ошибкой.

— У вас была ещё семья после первой жены?

— Похоже, была, — прошептал он. — И вот что страшно: я сейчас даже не могу вспомнить её лицо.

Ася внимательно посмотрела на него.

— В нашей базе есть упоминание женщины по имени Татьяна Северина. Она проходит как мать ребёнка, родившегося в тридцать третьем году. Вам знакомо это имя?

Серов неожиданно выпрямился.

— Таня. Да. Она работала медсестрой. Мы познакомились в старом корпусе. Помню, как она смеялась, когда я пытался приготовить суп. Где она?

— Не знаю, — честно ответила Ася. — Но завтра я проверю.

В памяти Серова словно на секунду открылось окно, которого он не ждал. Он заговорил быстро, боясь остановиться. Вспомнил квартиру над аптекой, запах зелёных яблок, голубое

пальто женщины. Рядом с ним стояла фотография мальчика, и хотя имя по-прежнему ускользало, рука сама легла на изображение.

Когда они уходили, Серов попросил дать ему толстый блокнот.

— Зачем? — спросила Ника.

— Я буду записывать всё каждое утро. Если снова проснусь и забуду, хотя бы прочитаю, что вчера я был человеком с сыном.

Она протянула ему свой старый бумажный ежедневник. Мужчина начал писать ещё до того, как они закрыли дверь. Первая строка была простой: «Я не могу вспомнить Даню, но у меня есть основания верить, что он мой сын».

Глава 10. Двадцать четыре минуты

Вернувшись в роддом, они обнаружили, что Ольга уже ждёт у бокового входа. В руках она держала корзинку с булочками и кипу старых городских газет.

— Поздний завтрак, — объявила она, будто они собирались в обычный поход. — Хорошие новости потом. Плохие — за столом.

Пока Мира ела булочку с маком, Ася показала Ольге документы Серова и коротко пересказала разговор. Старушка слушала, время от времени кивая, затем вынула из корзины запечатанный конверт.

— Вчера со мной связался человек из муниципального вещания. Он не хочет становиться героем, но знает, как работает Сверка. До общей синхронизации городского канала осталось двадцать четыре минуты свободного эфирного окна. Позже сегодня система начнёт тест на северном секторе. Можно передать туда предупреждение.

— Что именно передать? — спросила Ника.

— Фрагмент реестра, объяснение от лица врача и инструкции, куда обращаться. Никаких голословных обвинений. Только проверяемые данные.

Лев нахмурился.

— Ты уверена, что это не приманка?

— Нет. Но человек попросил принести доказательство, которое нельзя подделать удалённо.

— Что за доказательство?

— Виктора Серова. Его документы и собственноручные записи. Он работал на Слои до аварии. Если даст свидетельство, мы получим не просто список исчезнувших, а живого участника.

Ника повернулась к окну. За стеклом начинался серый рассвет. Двор роддома был пуст. Где-то хлопнула калитка. Внезапно она поняла, что всё время думает о сегодняшнем дне как о длительном сне, который закончится, если достаточно сильно устать. Но день не заканчивался. От решений зависели люди, которые не знали даже её имени.

— Не трогайте Серова без его согласия, — сказала она. — Он только что выдержал первую ночь без Сверки.

Ольга согласилась.

— Тогда пойдём через другой источник. Наш инженер сможет выйти в эфир и от собственного имени рассказать о системе.

— Кто этот инженер?

— Илья.

Ника засмеялась, сама не понимая почему.

— Ты предлагаешь позвать человека, который пять часов назад запер ребёнка за стеклом?

— Я предлагаю дать ему возможность выбрать сторону, — ответила Ольга. — Если он нас обманет, мы хотя бы узнаем наверняка.

Лев встал.

— Илья знает о завтрашней синхронизации больше нас. Именно поэтому и не хочет поспешной публикации. Но если мы получим от него аварийный код, сможем отложить тест без взлома сети.

— А если он не даст?

— Тогда придётся выйти в эфир без него.

В старом радиощеке на окраине работало двое. Мужчина по имени Тимур настраивал усилители, женщина по имени Рита сверяла бумажные листы с бегущей строкой на большом экране. Оба были слишком заняты, чтобы удивляться незнакомым посетителям.

— У вас есть двадцать четыре минуты в пятнадцать сорок, — объяснил Тимур. — Трансляция пойдёт только на локальные общественные терминалы. Официальная сеть хранит ролики в облаке, а там их исправят за секунду. Но мы можем оставить след в буферных приёмниках. Кто захочет, успеет снять экран камерой или переписать информацию.

Ника осмотрела оборудование. Визуальный сигнал подавался через дешёвый старый контроллер. Это было знакомо ей по фотографии: если добавить текст в саму картинку, а не поверх видео, автоматические субтитры не смогут заменить его сразу.

— У вас есть старый оптический проектор? — спросила она.

Тимур посмотрел удивлённо.

— Для плёнки?

— Именно. Можно пустить чёрно-белые фотографии и дать людям адреса, где лежат бумажные копии. Никаких ссылок, которые система подменит. Только место, время и имя.

— Место быстро найдут и закроют, — возразила Рита.

— Значит, несколько мест. И свидетелей, которые будут там стоять.

Пока они спорили, Лев ушёл к отдельному передатчику, через который можно было попытаться связаться с Ильёй. Ника заметила, как у него дрожат пальцы. Он держался всё утро, но синяк под глазом увеличился, а рукав уже пропитался свежей кровью.

— Тебе нужно к врачу, — сказала она.

— У нас и так целый роддом.

— Лев.

Он посмотрел на неё, потом отвёл глаза.

— После того как всё кончится. Не раньше.

Она хотела спорить, но вместо этого протянула ему бинт, найденный в аптечке. Он благодарно кивнул.

Через пятнадцать минут на экране отдельного терминала появилось лицо Ильи. Он сидел в комнате с белыми стенами, позади была видна полоса тёмного стекла. От глаза к щеке тянулась свежая царапина.

— Зачем ты включил служебный канал? — спросил он у Льва.

— Нам нужно остановить общую Сверку.

— Я пытался. Управление перенесло тест на четыре часа раньше. Начало в шестнадцать десять.

Ника подалась к экрану.

— Значит, у нас меньше часа.

Илья увидел её и тяжело вздохнул.

— Я предупреждал, что канал опасен. Служба безопасности уже отслеживает несанкционированные передачи.

— А мы предупреждаем людей о том, что у них собираются украсть память. Поможешь?

— Если отключить систему без подготовки, тысячи людей, зависимых от неё по медицинским причинам, могут получить приступы. Некоторые действительно не способны нормально ориентироваться без поддержки. Вы не можете делать вид, что это просто выключатель.

— Никто не предлагает отключать лечебные функции. Мы хотим остановить массовое переписывание реестра. Ты знаешь, как.

Илья посмотрел на кого-то за пределами экрана.

— Я дам вам код отсрочки. Он действует только с двумя независимыми подписями. Вторую хранит директор, и он не поставит её добровольно.

— Ты можешь заменить подпись?

— Не хочу превращаться в человека, который решает за весь город, — сказал Илья. — Именно это они делали много лет.

— Тогда выйди и скажи людям правду.

В комнате за ним вспыхнул красный сигнал. Илья наклонился к экрану так близко, что Ника увидела усталость вокруг его глаз.

— Если вы отправите журнал без объяснений, люди начнут искать родных там, где их давно нет. Сначала верните живых. И ещё кое-что: Ася была не единственной, кто подписывал исключения. Спроси её про март тридцать девятого. Спроси, почему ты согласилась потерять память.

Связь оборвалась.

Ася стояла у двери и всё слышала. На её лице не было ни удивления, ни возмущения. Только старая усталость.

— Я расскажу, — сказала она. — Но после передачи. Если мы сейчас не предупредим северный сектор, времени для исповеди уже не останется.

Глава 11. Свидетельство

За двадцать минут до эфира в радиоцех приехал Виктор Серов. Он сам попросил адрес, когда Ольга позвонила и объяснила, что собирается сделать. Старик приехал на обычном такси, не взяв чемодана и почти ничего не сказав водителю. На груди у него под пальто висел бумажный блокнот, прикреплённый верёвкой.

— Я не знаю, почему вы решили, что смогу выступить, — сказал он Нике. — Но если кто-то меня действительно удалял, пусть хотя бы услышит мой голос.

Ника привела его в маленькую комнату с микрофоном. Там стояли стол, стакан воды и одна лампа. Рита проверяла звук, Тимур у входа удерживал дверь от сквозняка. Серов пересматривал записи. В его блокноте было несколько новых страниц, написанных мелким, очень ровным почерком. Он описал встречу с Никой, осмотр Аси, свои чувства после отключения модуля. Ни одна запись не утверждала того, чего он не помнил непосредственно. Честность этих заметок делала их убедительнее любой плакатной речи.

— Можно читать с бумаги? — спросил он.

— Нужно, — ответила Рита. — Так меньше шансов перепутать.

За стеной Ника собирала подборку снимков. Она отказалась от кадров, где видны были дети. Вместо этого оставила пустые подъезды, выписки, газеты и несколько фотографий с датами. Ей казалось особенно важным, чтобы зрители могли сами проверить хотя бы часть сведений. Одна фотография показывала вход корпуса семь. Другая — его отсутствие на цифровой карте того же числа. Третья содержала заметку о пожаре из газеты тринадцатилетней давности и исправление этой заметки, напечатанное неделю спустя.

Мира сидела рядом с матерью. Ася быстро писала адреса, по которым независимые свидетели смогут принимать обращения граждан, если связь выключат. Она не включила роддом и дом Серова: этим людям уже хватало риска.

В пятнадцать тридцать восемь во двор въехал грузовой автомобиль с рекламой питьевой воды. Тимур глянул в окно.

— Это наши. Привезли переносные проекторы. Люди будут показывать запись на улицах, если её вырежут из сети.

— Сколько людей? — спросила Ника.

— Меньше, чем хотелось бы. Больше, чем было вчера.

В пятнадцать сорок экран загорелся. Рита дала знак. Серов сел перед микрофоном и начал медленно, с коротких пауз:

— Меня зовут Виктор Андреевич Серов. В городских базах указано, что я умер одиннадцать лет назад. Но я жив и говорю с вами. Вы можете считать это ошибкой записи или обманом, и имеете право так считать. Я прошу только проверить документы до того, как вам предложат забыть о противоречии.

Ника смотрела, как на соседнем экране меняются кадры. Серов продолжал говорить о своей работе, о внезапном исчезновении записей, о фотографиях сына, имя которого он перестал помнить. Он не требовал немедленной веры. Он произнёс всего три просьбы: не проходить внеплановую коррекцию без медицинской необходимости, сохранять бумажные доказательства семейных событий и разговаривать с людьми, чьи воспоминания не совпадают с официальной базой.

В десять минут эфир уже привлёк внимание городского узла. На экране появился красный значок: «Сигнал не подтверждён службой доверия». Тимур снял защитный кожух с усилителя и добавил мощность. Значок исчез, но лишь на несколько секунд. Затем сверху посыпались автоматические субтитры, противоречащие голосу Серова: «Я добровольно участвовал в испытаниях безопасного протокола». Рита выключила слой субтитров, и они вернулись снова.

— Чужой перевод, — сказала она. — Они пытаются заменить смысл, не трогая звук.

Ника схватила маркер и на чистом листе написала крупно: «СЛУШАЙТЕ ГОЛОС. НЕ ВЕРЬТЕ СУБТИТРАМ». Поднесла к камере. На общем экране буквы вспыхнули, затем исчезли. Автоматическая коррекция уже настигла и изображение.

Тимур оглянулся на неё.

— Ещё три минуты. Потом центральный канал нас перережет.

— Покажи плёнку, — сказала Ника. — На старом проекторе без обработки.

Он включил аппарат. Луч прошёл через прозрачный кадр и осветил белую стену. Рита направила на стену обычную камеру прямой трансляции, минуя цифровой стабилизатор. Фотография мальчика с корабликом появилась сначала неровно, затем стала чёткой. На кадре виднелись корпус семь, дата и отражение Ники. В углу сохранилась мелкая царапина эмульсии. Её нельзя было изменить без того, чтобы не изменить весь кадр. На двадцать секунд картинка прошла чистой.

Серов увидел снимок и запнулся.

— Я... я помню этот день.

Он посмотрел на Нику, словно искал разрешения продолжить.

— Я пришёл за сыном. Мне сказали, что он должен пройти ещё одну процедуру, иначе дома у него снова начнутся провалы. Он плакал и не хотел отдавать игрушку. Я обещал вернуться вечером. А когда вернулся, охранник спросил, кто такой Даня.

В радиощехе было слышно, как за стеной работает старый вентилятор. Серов опустил голову и долго не мог выговорить следующую фразу.

— Я ушёл, — сказал он наконец. — Я поверил охраннику. Теперь не знаю, сколько раз обещал сыну прийти, а потом не пришёл.

Рита закрыла глаза. Её пальцы оставались на клавишах, но нажать она ничего не могла.

В пятнадцать пятьдесят семь трансляция пропала. На всех мониторах одновременно появилась спокойная заставка Слоя: «Сбой локального вещания. Приносим извинения. Воспоминания важны для нас».

Тимур выдернул сетевой кабель. За стеной ударила дверь. Кто-то крикнул: «Открывайте! Муниципальный контроль!».

Лев отвёл Серова к запасному выходу. Ася подхватила Миру. Ника собрала плёнку и пошла последней. В коридоре их догнала Рита.

— Они уже отправили официальное опровержение, — сказала она. — Будто никакой передачи не было. Но я получила сообщения от девятнадцати терминалов, где люди успели снять эфир на телефоны. Есть три бумажные фотографии с экрана. И несколько человек позволили, чтобы узнать, где отыскать архив.

— Значит, мы не зря рисковали, — сказала Ника.

Рита вытерла лицо рукавом.

— Пока рано. Некоторые зрители говорят, что помнят совсем другую передачу. Видимо, Сверка началась заранее.

Из громкоговорителя над дверью раздался спокойный женский голос:

— Внимание. В северном секторе активирован профилактический режим. Просим граждан сохранять спокойствие и не распространять неподтверждённые сведения.

На часах было шестнадцать ноль три. Общая Сверка, по словам Ильи, должна была начаться в шестнадцать десять.

Ника поняла, что им остаётся семь минут.

Глава 12. Семь минут

В мире, где часы исправляли воспоминания, семь минут могли оказаться целой жизнью. Ника думала об этом, пока бежала по узкому двору за радиоцехом. Спереди Ася вела Миру и Серова, сзади Лев помогал Рите нести тяжёлый футляр с плёнкой. Никто не разговаривал. Над крышами быстро поднимался вой тревожных сирен — официальный сигнал профилактической Сверки.

На перекрёстке зажглись все красные светофоры разом. Автобусы замерли, двери автоматически закрылись. Люди на остановке начали оглядываться, как после внезапного отключения света. У многих глаза потускнели; кто-то машинально нажимал на серебристый модуль за ухом, ожидая объяснения. Рядом женщина звала мужа, который стоял в двух шагах и не отзывался на своё имя.

— Не останавливайтесь, — приказала Ася.

Но Ника задержалась. Женщина трясла мужа за плечо. Тот смотрел на неё спокойно, без злости.

— Простите, — сказал он. — Вы, видимо, ошиблись человеком.

На руке женщины блестело обручальное кольцо. Мужчина носил такое же.

— Он не узнаёт меня, — прошептала она Нике. — Мы двадцать лет женаты.

Ника посмотрела на Льва. Тот покачал головой: помочь сейчас он не мог. Она достала из сумки лист бумаги, оторвала узкую полоску и сунула женщине.

— Запишите своё имя, его имя, дату. Попросите его сделать то же самое, пока он ещё здесь. Не разрешайте никому забирать ваши вещи. Найдите независимого врача.

— Какого врача? — женщина почти кричала.

Ника назвала адрес временного пункта, который Ася записывала для передачи. Она не знала, успели ли его открыть. Потом Лев потянул её за рукав.

— Нам нужно уходить.

За первым кварталом их догнала Рита. Она держала планшет, на котором продолжали приходить сообщения от буферных терминалов. Связь работала с перебоями. На карте светились четырнадцать жёлтых точек.

— Здесь люди сохранили передачу. На восьми экранах её уже заменили. В двух районах появились очереди в консультационные пункты. Кто-то требует вернуть родственника, которого только что вспомнил.

— А на остальных? — спросила Ася.

Рита остановилась, словно не хотела произносить ответ.

— На остальных люди перестали помнить саму передачу. И один терминал теперь сообщает, что сегодняшняя дата двадцатое октября. Не двадцать первое.

Лев выругался вполголоса.

— Они меняют не отдельные имена. Сдвигают опорный день. Если удастся убедить весь сектор, что вчера не было, исчезнут и свидетельства сегодняшнего утра.

— Как вообще можно изменить день? — спросила Мира.

Ася ответила первой:

— Нельзя изменить солнце, дождь и вчерашнюю боль в ноге. Можно изменить объяснение, почему всё это произошло. А потом люди сами достроят воспоминание так, чтобы не спорить с системой.

Ника остановилась у газетного киоска. Внутри лежала свежая газета с сегодняшним числом. На первой полосе красовалась фотография городского главы и заголовок об успешном профилактическом тесте, который, судя по датировке, уже состоялся. Ника показала газету Рите.

— Он только начался.

— Газеты печатают заранее, — ответила та. — Там есть несколько вариантов полосы. Система выбирает нужную после события.

— Даже если события не было?

Рита промолчала.

Они дошли до закрытого пешеходного моста через железную дорогу. Под мостом стояла бригада ремонтников. Один из рабочих узнал Льва, коротко махнул и открыл боковую калитку. За ней начинался служебный туннель к депо. Внутри пахло горячим металлом. Ремонтник привёл их в помещение с деревянными лавками.

— Подождёте здесь, — сказал он. — Нам дали десять минут, потом камеры переключат на ручное управление.

Лев поблагодарил его. Ника не удержалась от вопроса:

— Почему вы помогаете? Вы же не знаете нас.

Рабочий посмотрел на неё устало.

— Мою сестру три месяца назад уволили из больницы. Вчера мне объяснили, что у меня вообще нет сестры. Я бы, может, поверил, если бы не помогал ей чинить крышу в прошлое воскресенье.

Он поднял рукав. На предплечье виднелась свежая царапина от ржавого гвоздя.

— Я это помню. И порез остался. Пусть ваша система объяснит мне, откуда он.

Ника хотела сказать, что система не её, но промолчала. Рабочий был прав в одном: если ты годами пользуешься удобной ложью, в какой-то момент начинаешь платить за неё даже тогда, когда сам её не выбирал.

В шестнадцать десять в депо погасли лампы. Пол содрогнулся от низкого звука, который скорее чувствовался костями, чем слышался ушами. Через минуту свет вернулся. Рита открыла связь. На экране появилось сообщение: «Режим Сверки завершён. Отклонений не обнаружено».

В комнате все замерли. Серов пристально рассматривал фотографии сына и не называл его имени. Мира сжала руку матери. Лев приложил пальцы к шву на виске, будто проверял, на месте ли отключённый модуль.

Ника заметила, что один из ремонтников смотрит на них с недоумением.

— Вы кто? — спросил он.

— Мы только что вошли через калитку, — ответил Лев.

— Не может быть. Я должен был закрыть её в половине четвёртого.

— Вы сами нас впустили.

Рабочий нахмурился и посмотрел на свою руку. Царапина по-прежнему была на месте.

— Мне надо позвонить сестре, — сказал он и вышел, ни с кем не попрощавшись.

В воздухе оставалась слабая вибрация. Ася заплакала без звука. Мира обняла её, не понимая, чем помочь.

— Что случилось? — спросила Ника.

— Они запустили пробный контур на десятках тысяч людей. И мы не остановили их.

Рита подняла планшет.

— Подождите. Не все забыли. Сколько-то человек сохранили нашу запись. Вот. Сообщение из шестого узла. Люди фотографировали экран на бумажную плёнку. А ещё кто-то переписал обращения от руки.

Ника встала.

— Значит, контур не полный. Это не победа, но мы нашли щель.

Глава 13. День, которого не было

К утру северный сектор выглядел как обычно. В кофейнях подавали завтрак, на остановках спорили из-за опоздавших автобусов, школьники утыкались в учебные панели. Никто не носил траур по вчерашнему дню. Именно это пугало Нику больше всего.

Тимур связался с ними по запасному каналу. Радиоцех опечатали, Риту объявили в розыск по делу о распространении опасных сведений. Трое сотрудников службы контроля спрашивали, кто организовал эфир. Но на стенах нескольких домов уже появились бумажные объявления с именами исчезнувших. Их развешивали ночью. Днём коммунальные службы снимали листки, зато жители успевали читать и переписывать некоторые имена.

— Мы разбудили людей, — сказала Рита.

— И напугали, — возразила Ася. — Дальше будет сложнее.

Они временно поселились в квартире над мастерской переплётчика. Хозяин отвёл им две комнаты и попросил не пользоваться кухней после десяти, чтобы не будить соседку. Ника впервые за двое суток нормально помылась. Сверху пахло хлебом. На стене висела карта, где были булавками отмечены точки передачи свидетельств. Лев работал за столом, разложив бумажные листы по группам.

Ей удалось уснуть на час. Потом за дверью началась ссора. Ася разговаривала с Ольгой, приехавшей с новой кипой документов.

— Мы не можем публиковать имена детей, — говорила Ася. — Ты же понимаешь, что за ними начнут охотиться. У нас нет способов обеспечить им защиту.

— А если мы не покажем имена, люди не поверят, — отвечала Ольга. — Реестр можно объявить художественной выдумкой. Только живой человек и его история разрушают ложь.

— Тогда спроси у каждого ребёнка разрешение. Раз ты так уверена.

Ника вышла в коридор.

— Имена детей не публикуем. Делаем обезличенные доказательства, а семьи связываем с волонтерами, которые готовы отвечать лично. Нам не нужен спектакль с чужой болью.

Ольга кивнула, но по её лицу было видно, что согласилась она не полностью.

— Так решим, — сказала она. — Но времени мало.

За завтраком Мира достала из кармана сложенный листок. На нём было нарисовано три дома, солнце и кораблик.

— Это Даня нарисовал, когда мы играли, — объяснила девочка. — В корпусе семь он рассказывал, что хочет жить в доме с настоящим двором. Чтобы можно было выходить без разрешения.

— А почему он не может? — спросил Лев.

— Его лицо не распознают двери. Охранники говорят, что это из-за безопасности.

Ася взяла рисунок и долго его рассматривала.

— Я знаю женщину, которая работала в отделении детей с нестабильной идентификацией. Она поможет, если согласится.

— Где она? — спросила Ника.

— В городской детской больнице. Её зовут Вера Потапова. Не хирург и не программист. Социальный работник. Она знает, как оформляют экстренные документы для детей, которых никто не может подтвердить.

Они отправились вдвоём. Ася осталась с Мирой и Серовым, Лев должен был подготовить новые адреса. Детская больница находилась в старом здании с голубыми окнами, где люди ещё сохраняли записи на бумаге из-за частых сбоев системы. Вера Потапова оказалась маленькой женщиной в ярких носках и удобных кроссовках. Она послушала Нику, ни разу не перебив, потом попросила показать не фотографию мальчика, а самую раннюю бумажную запись о нём.

Ника достала журнал Серова. Вера внимательно читала строки, поправляя очки.

— Тут указано, что ребёнок поступил на обследование по направлению городской опеки. Но номера решения опеки нет. Значит, у учреждения не было законного основания удерживать его до сих пор.

— А если электронная система утверждает, что его нет?

— Электронная система не закон. Закон требует установить личность ребёнка и защитить его интересы. Проблема в том, что приказ, который я оформлю, могут отменить до конца смены.

— Но вы оформите?

— Если мы убедимся, что речь о реальном мальчике. Я не могу выдавать документ по фотографии, принесённой незнакомым человеком.

Ника уважительно кивнула. За последние дни она слишком привыкла к людям, которые мгновенно верили всему, что подтверждало их догадки. Вера впервые сказала «нет» по понятной и справедливой причине.

— Тогда пойдёмте с нами в корпус семь.

— В закрытый объект?

— Вы же имеете право проверять условия содержания ребёнка по направлению из больницы.

Вера посмотрела на журнал ещё раз.

— Само по себе направление не даёт права входить в секретное учреждение. Но я могу направить письменный запрос, потребовать ответ и обратиться к прокурору. И буду делать это, даже если их система назовёт меня сумасшедшей.

Они договорились, что Ника принесёт физические подтверждения, а Вера начнёт официальную процедуру. В дверях та вдруг спросила:

— У вас есть кто-то, кто всё это записывает? Не в смысле список имён. В смысле ход событий, свидетелей, даты?

— Есть архивист.

— Тогда попросите его не превращать доказательства в проповедь. Факты должны выдерживать чужой, недоброжелательный взгляд. Иначе нас всех заставят молчать одним словом: «фантазия».

На обратном пути Ника долго думала над этим советом. Слой выигрывал не только из-за мощных серверов и подключённых модулей. Он предлагал людям удобную, гладкую историю. А правда была неровной, иногда противоречивой. Её приходилось собирать в присутствии свидетелей, которые не всегда были правы.

Глава 14. Белые метки

Вечером в квартиру пришёл человек по имени Глеб Марков. На вид ему было около пятидесяти, волосы седали на висках, одежда казалась чересчур опрятной для ночного визита. Он назвался инспектором департамента внутренней безопасности и положил на стол кожаную папку.

Лев немедленно встал между ним и Никой.

— Вы нас нашли. Отлично. Теперь позвольте угадать: хотите добровольно помочь?

— Я пришёл один и без задержания, — сказал Марков. — Это должно кое-что значить.

— Для вас, возможно, — ответил Лев.

Марков не сел, хотя Ольга предложила стул. Он оглядел комнату, задержался взглядом на папках и фотографиях, затем вытащил из портфеля удостоверение. На рукаве у него белела тонкая полоска — метка, которой боялась Мира.

— Я занимаюсь нарушениями сохранности гражданских данных, — произнёс он. — Десятилетиями нам объясняли, что корректировка воспоминаний не имеет юридических последствий. Неделю назад я обнаружил дело о женщине, которая значилась умершей и одновременно получала социальную помощь. Попытался проверить. Дело исчезло, а начальник сказал, что женщина никогда не существовала.

— И вы тут же раскаялись? — спросила Ника.

— Нет. Я отложил проверку, чтобы не потерять работу. Только потом узнал, что у неё был ребёнок. Он пришёл в управление, просил найти мать, а вечером исчез из приёмной. Его записи тоже удалили.

Ника поставила чашку на стол.

— Чем можете помочь?

— У меня есть право временно приостановить доступ к отдельным ведомственным журналам. Не общую Сверхку. Но списки принудительного исключения могу задержать на несколько часов.

— Почему не сделали раньше?

Марков сжал губы.

— Потому что боялся. И сейчас боюсь.

В комнате установилась странная тишина. Честное признание звучало убедительнее любой героической речи.

Он открыл папку. В ней лежало несколько распечаток: счета за поставку оборудования, ведомости проведения медицинских процедур и служебные письма. На одном листе встречалась подпись директора Корпуса 7, Кирилла Веденеева. Ника узнала фамилию по шапке дела, которое просматривала ночью.

— Кто этот человек? — спросила она.

— Руководитель проекта верификации. Формально он подчиняется городскому департаменту здравоохранения. Фактически курирует Реестр и имеет допуск выше большинства силовиков.

— И он распорядился переписать северный сектор?

— Приказ подписан им. Но инициатором выступил городской совет по восстановлению инфраструктуры. Им нужен чистый реестр недвижимости восточного берега.

— Прямо так и написано?

— Разумеется, нет. Там говорится об устранении расхождений правового статуса объектов. Так на языке управленцев звучит исчезновение жилых кварталов из документов.

Лев изучал счета. Один оказался выписан на покупку сотен медицинских препаратов для кратковременной амнезии.

— Почему такое количество? — спросил он.

Марков взглянул на Нику.

— По документам это средства для процедуры восстановления после перенапряжения. Некоторые применяли к людям, сопротивлявшимся коррекции. Иногда — добровольно.

Ника вспомнила свои кассеты.

— Меня ими лечили?

— В вашем деле стоят тринадцать процедур. Две из них вы подписали собственноручно. Остальные оформлены как экстренная помощь.

— Это невозможно. У меня нет модуля.

— Модуль для препаратов не нужен, — сухо ответил инспектор.

Пальцы Ники сжались на краю стола. Всё время она искала сложную техническую причину своих провалов памяти, а часть ответа лежала в простой медицине: человеку можно стереть несколько суток переживаний, если заставить его спать под нужным препаратом. Но почему она соглашалась снова и снова?

Марков перелистнул страницу.

— В марте тридцать девятого вы участвовали в операции «Укрытие». По ней двадцать семь свидетелей были переведены в резервный статус. В официальных документах вы числитесь ответственным представителем.

— Я читала журнал.

— Значит, понимаете, почему Веденеев хочет вернуть вас. Он не может позволить человеку с вашей подписью публично оспорить всю схему.

— Вы хотите сказать, что я была частью её?

— Я хочу сказать, что ваше имя стоит на документах. Что это означало, вам придётся выяснять самой.

Марков достал маленький плоский ключ с синей полоской.

— У меня доступ к внешнему архиву северного узла. Завтра в восемь утра он будет переведён на резервное питание для технического обслуживания. Это единственный момент, когда журнал нельзя сразу переписать удалённо. Если вы хотите сохранить доказательства, берите копию там.

Лев посмотрел на ключ, но не прикоснулся к нему.

— Слишком удобно.

— Конечно. Ловушка выглядит именно так. Разница в том, что я тоже войду вместе с вами и оставлю там своё удостоверение.

— И что это докажет?

— Ничего. Но даст вам право считать меня человеком, который хотя бы рискует своим именем.

На лестнице послышались быстрые шаги. Все замолчали. Мира появилась в дверях с листом бумаги.

— Мама просила передать. Снизу пришло письмо от дяди Ильи.

На листе было написано всего одно предложение:

«Не входите в северный узел. Веденеева интересует не журнал, а Вероника».

Марков побледнел. Он вытащил из внутреннего кармана свой электронный пропуск и увидел, что индикатор на нём горит красным.

— Мне закрыли доступ, — сказал он. — Значит, уже знают, где я.

Глава 15. Тринадцатая процедура

Ника ушла из квартиры до рассвета, не предупредив остальных. Лев заметил её отсутствие лишь утром. На столе она оставила записку: «Мне нужно понять, что я добровольно разрешила делать с собой. Не ищи до полудня». Она знала, что он всё равно начнёт поиски, но надеялась выиграть хотя бы пару часов.

Всю ночь ей не давало покоя выражение «две процедуры подписаны собственноручно». Однажды она уже выбирала забыть. Возможно, это означало, что правда была слишком тяжёлой. Возможно, её обещания другим людям оказались слабее страха. Ника не хотела смотреть на очередную кассету, где её двойник заранее объяснит всё и предложит послушаться. Она хотела сама задать вопросы человеку, который ставил подписи рядом с её именем.

Первым делом она вернулась в старую городскую поликлинику. Там работала врач, снимавшая ей модуль двенадцать лет назад. Карточка доктора Лидии Ярош уже много лет оставалась у Ники в бумажном кошельке. Она звонила ей раньше по поводу головных болей, но никогда не спрашивала о реабилитации после операции.

Ярош встретила её в тесном кабинете с зелёными стенами. На столе лежала толстая бумажная история болезни. Врач была невысокая, с усталым лицом и очень твёрдым взглядом.

— Вероника, — сказала она, не удивившись. — Пожалуй, впервые за годы ты пришла без чужого человека.

— Вы знаете, что со мной делали?

Врач закрыла кабинет и повернула ключ в замке.

— Знаю то, что видела своими глазами. Тебе действительно удалили модуль после воспаления. Однако кроме него в нервных тканях остался контактный фрагмент. Он не способен хранить память, но чувствителен к внешним сигналам. Я советовала удалить и его, но тогда риск операции был выше, чем ожидаемая польза.

— То есть Слой всё ещё может со мной работать?

— Не так, как с обычными пользователями. Он может вызвать некоторые реакции, но не переписывает твою долгосрочную память. Именно поэтому тебя пытались лечить препаратами. Два раза ты согласилась сама. Одиннадцать раз решение приняли без тебя.

Ника перевела взгляд на свои руки.

— Я хочу узнать, почему согласилась.

— В первый раз ты была уверена, что информация о месте, где прячутся люди, опасна для них. Ты сказала: «Если они заставят меня говорить, я никого не выдам». Через несколько дней попросила второй курс, потому что боялась, что всё-таки запомнила один адрес.

— И вы разрешили?

Ярош не ответила сразу.

— Я отказалась. Но ты нашла другого врача. Когда ко мне поступили документы, процедура уже состоялась.

Ника посмотрела на старый настенный плакат о гигиене сна. На нём женщина спала, положив голову на подушку, а рядом стояла надпись о ценности здорового отдыха. Изображение казалось жестоким.

— Вы знали, что люди исчезают из документов?

— Подозревала. Я не знала масштаба. До тех пор, пока одна из моих пациенток не пришла с выпиской на ребёнка, которого, по записи больницы, она никогда не рожала. Я попыталась исправить карту, но запись исчезла даже из бумажного архива. Кто-то вырвал страницу. После этого я начала копировать назначения дома.

Она достала из нижнего ящика конверт. Внутри лежали результаты обследований Ники за последние годы, в том числе снимок мозга и таблица назначений.

— Ты теряла память не мгновенно. Каждый курс стирал определённый период и повреждал соседние воспоминания. Препараты не были безопасны. В некоторых случаях после них остаются стойкие изменения. Мне не нравится, что люди вокруг тебя привыкли считать это обычной платой за борьбу.

Впервые кто-то заговорил с Никой не как с полезным ключом от архивов и не как с сестрой исчезнувшего брата. Врач смотрела на неё как на человека, чья жизнь имеет значение сама по себе.

— Я могу восстановить воспоминания? — спросила Ника.

— Может быть, часть. Но не здесь и не обещая чудес. Намного важнее сохранить то, что у тебя осталось.

Ника собиралась уходить, когда Ярош остановила её.

— Есть ещё одна причина, почему они ищут тебя. В ходе старой операции у тебя брали нейронный профиль. Его использовали для проверки того, что система способна предсказать воспоминание человека без работающего модуля. Ты была идеальным контрольным случаем. Если профиль совпадёт с твоими действительными решениями, они получают способ влиять на людей, которых сейчас не могут корректировать.

— И как им нужен мой профиль?

— В живом виде. Машинная модель без человека не проходит независимую проверку. Тебя должны убедить добровольно участвовать в тесте. Или создать видимость добровольности.

Ника вспомнила папку в переговорной корпуса семь: «Повторная процедура». И слова Ильи, что директор пришёл лично. Речь шла не только об архиве. Она сама была частью последнего недостающего элемента.

— Что мне делать? — спросила она.

Ярош сняла очки и медленно протёрла стёкла.

— Перестать бегать одной. Найти человека, который имеет право сказать тебе «нет». И, когда возникнет выбор между спасением многих и твоим телом, помнить, что твоё согласие не принадлежит государству, брату или благородной цели.

Ника вышла из поликлиники через чёрный ход. В городе только начинался рабочий день. Люди шли к остановкам, смотрели на часы, покупали кофе. Она остановилась у витрины и увидела собственное отражение: обычная женщина с усталыми глазами и большой сумкой через плечо. Ника вдруг поняла, что не обязана быть той, кем её назначили другие. Не обязана жертвовать собой за каждого из двадцати семи людей. Но если она решит продолжить борьбу, это будет уже её выбор, сделанный при свете дня.

Она достала бумажную карточку и написала Льву адрес поликлиники и короткую фразу: «Со мной всё в порядке. Я возвращаюсь. На этот раз не позволю никому решать за меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.